

ДВОЙНОЙ ДЕТЕКТИВ
по ФРЕЙДУ

Данна ДАНИЛОВА



НИРВАНА С ПРИВКУСОМ ЯДА

♦
ИГРЫ С ТЕМНЫМ ПРОШЛЫМ

Двойной детектив по Фрейду

Анна Данилова

**Нирвана с привкусом
яда (сборник)**

«Автор»

2013

Данилова А.

Нирвана с привкусом яда (сборник) / А. Данилова — «Автор»,
2013 — (Двойной детектив по Фрейду)

«Нирвана с привкусом яда» Оплакав на чужбине любимого мужа, Алла пытается вернуться к прошлой жизни, возобновить былые связи. И узнает, что две ее близкие подруги погибли три года назад. А незадолго до трагедии Алла получила письмо, в котором девчонки просили ее о помощи. Получила и... забросила в дальний ящик. Снедаемая чувством вины и раскаянием, вдова возвращается в родной город, где обнаруживает: девушки с такими именами и фамилиями похоронены дважды... «Игры с темным прошлым» Соседка Маши Валентина исчезла. О том, что ее убили, стали поговаривать уже на третьи сутки. Но мало ли куда может отправиться женщина на три дня? Тем более вдова, которая десять лет прожила без мужской ласки и терпела от супруга лишь унижения. Маша, убегая от своих проблем, уезжает на время в Болгарию и встречает там пропавшую женщину. А та проходит мимо, будто не узнавая свою давнюю знакомую...

© Данилова А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Нирвана с привкусом яда	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	51
Глава 18	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анна Данилова

Нирвана с привкусом яда (сборник)

Нирвана с привкусом яда

Глава 1

Кемер, июль 2005 г.

Нельзя сказать, что вдовство не шло ей. Она прекрасно смотрелась в облегчающих фигуру черных платьях, кружевных черных шالях, а ее чуть рассеянный, с оттенком трагичности взгляд даже притягивал к себе вьющихся вокруг ее скромной личности и нескромного счета в банке мужчин. Изящная, с полной грудью, высокой шеей и тонкой талией, она представляла интерес для потенциальных мужей или просто любовников. Но Аллу Дворкину в ее молодом вдовстве сейчас устроило бы единственное – побыть немного одной, привыкнуть к мысли, что ее мужа, Натана Дворкина, нет, что он умер из-за огромного тромба, оторвавшегося от стенки сосуда и застрявшего где-то в области жаждущего крови сердца... Поэтому сразу после похорон Натана, всю ночь проговорив с родным братом покойного мужа Григорием и поручив ему вести все дела компании, которую прежде возглавлял Натан, и успокоившись, что все свои проблемы она чисто по-женски взвалила на покатые, но еще мощные плечи Гриши, Алла из Москвы вылетела в Кемер. Поселилась в небольшом отеле на берегу Средиземного моря и целых две недели плескалась в теплой голубой воде, валялась на оранжевых матрасах под яркими полотняными зонтами, пила красное вино и свежий апельсиновый сок, ела жареную рыбу и много спала, не подпуская к себе ни одного положившего на нее глаз классического, с тривиальным набором знаков внимания и желаний, туриста. Ей на самом деле хотелось покоя. Слишком уж неожиданно умер Натан, его смерть заставила ее оглянуться назад, чтобы понять, что брак с этим чудесным и добрым человеком оторвал ее от прежней жизни, как отрезал, вырвал ее с корнем из провинциальной саратовской скуки, от друзей, подруг, любовников, родственников... Пять лет райской жизни с мужчиной, заменившим, без преувеличения, целый мир, усыпив в ней природную осмотрительность, предприимчивость, деловитость, превратили ее в неисправимую лентяйку и успели привить цинизм. Она перестала бояться завтрашнего дня, поскольку знала, что Натан все оплатит, за все ответит, все устроит и все простит. И вдруг его не стало. Словно стена ее спальни, где она, голая, лежала все пять лет и предавалась мечтам и самым невообразимым фантазиям, вдруг исчезла и все увидели ее уязвимость, открытость, неподготовленность к самостоятельной жизни.

Кемер, с его расслабляющей, влажной, какой-то первобытной жарой, слепящим солнцем, буйно цветущими растениями, шатающимся по нарядным улицам туристическим людом, подействовал на нее успокаивающе, явился мощным контрастом московской похоронной кутерьме, черно-бордовым краскам последней строгой постели мертвого, с бледным лицом Натана. Она знала, что там, дома, в далекой и жестокой Москве, домработница Зоя со своим собственным ей рвением здорового, не терпящего следов смерти человека приведет в порядок их большую квартиру, проветрит ее, сменит занавеси на окнах, отдаст в химчистку ковры и сложит аккуратно все вещи Натана в его кабинете. Поэтому, когда Алла вернется, в доме будет чисто и свежо, и лишь фотография ее покойного мужа на каминной полке станет напоминать ей о его смерти.

Нежась на солнышке и подставив его палящим лучам свои хрупкие, намазанные кремом от загара плечи, она спрашивала себя, как так могло случиться, что смерть горячо любимого

супруга не вызвала в ней нервной реакции, что она не рыдала, не кричала по ночам от сознания невосполнимой утраты, не потеряла, словом, голову. И хотя окружение приписало это транквилизаторам, которые она якобы приняла перед самыми похоронами (хотя она с утра выпила лишь чашку кофе и съела бутерброд с сыром, который приготовила ей красная от слез Зоя), и природной выдержке, на самом деле она просто не осознала до конца, что произошло...

Время шло, но реакции так и не наступало. Не было ее и в душном Кемере, где она отдыхала с таким же упоительным чувством полного безделья, как и прежде.

В отеле ее уже знали – она приезжала сюда не раз – и улыбались ей шире, чем остальным, зная, что и горничным она оставит на постели щедрые чаевые, и в ювелирной лавке купит что подороже, и от безделья захочет покататься верхом и прогуляться на яхте. Но если раньше она позволяла себе флирт с каким-нибудь скучающим немцем или горячим турком, то в этот раз ей доставляло удовольствие, возвратясь после ужина в номер, растянуться на кровати перед телевизором и, потягивая ледяную воду, смотреть все подряд, размышляя о своей дальнейшей жизни.

Еще в Москве, собираясь в Кемер, она, разбирая документы, случайно наткнулась на одно письмо, которое ей хотелось бы забыть. Но в свое время выброшено оно не было, значит, судьбе так угодно, чтобы она снова увидела этот потрепанный конверт с красным крестом в углу. Почему красный крест? Не лучшее украшение для конверта, в котором могло быть вместо этого тяжелого письма какое-нибудь любовное послание, к примеру.

«Алла, у меня проблема, позвони мне, пожалуйста. Я тебе звонила, но, видимо, номер твоего телефона изменился. Это письмо будет идти в Москву из Саратова самое большее пять дней, это время я еще как-то продержусь, мне Ирина поможет, но что будет дальше – страшно даже подумать... Скажу сразу: я не виновата... Понимаю, что ты давно уже живешь своей жизнью, что ты, может быть, стараешься забыть нас, но все равно, если вдруг это письмо всколыхнет какие-то не самые плохие твои воспоминания, позвони мне, я буду ждать... Все-таки мы подруги: ты, я и Ирина. Целую, Ольга». Письмо датировано 5 июля 2002 года.

Жизнь любого человека, по мнению Аллы, изначально predetermined, и знаки, которые посылала судьба, нельзя было оставлять без внимания: этот конверт рано или поздно все равно попал бы ей в руки и напомнил бы саратовскую веселую жизнь, девчонок – Олю и Ирину, с которыми она неплохо проводила время, те жгучие по своей остроте встречи с парнями, пьяные вечеринки, смех до утра в синей мути прокуренной комнаты... Им было хорошо втроем, легко, они отлично понимали друг друга, и, если бы Натан случайно не оказался с Григорием на том берегу Волги с дурацкой удочкой и желанием подцепить какую-нибудь девчонку и не встретился бы взглядом с жарящейся на солнце Аллой, не было бы волшебной по своей неожиданности и сказочности свадьбы, ничего бы не было... Натан увез Аллу прямо из Чардыма, где она отдыхала с подругками в спортивном лагере, купаясь до одури в Волге и играя до боли в запястьях в волейбол с загорелыми студентами из политеха, в гостиницу, где она наспех переспала с ним и по дурацки, еще не понимая, что лежит на плече одного из богатейших столичных молодых людей, стала снова проситься с ним в Чардым. Но вместо Чардыма он увез ее в Москву, где сделал своей женой и поселил в пятикомнатной квартире на Кутузовском проспекте. Так жизнь подарила ей Натана, любовь и счастье спокойной супружеской жизни. О каких подругах можно было думать тогда, когда она зажила совершенно другой, заполненной новыми, приятными волнениями жизнью и, главное, Натаном, ставшим для нее самым близким и дорогим человеком. Сейчас, когда его не стало, она думала о том, как хорошо и счастливо они жили все эти пять лет, ведь именно столько было отпущено им до его смерти; они будто торопились жить, не тратя время на ссоры, хотя, с другой стороны, она понимала, что своим счастьем все равно была обязана только ему и что ее роль в их благополучии была мизерной...

Она захватила письмо с собой. Просто бросила в сумку. Словно знала, что захочет достать, перечитать и понять, волнует оно ее или нет. Но вместо того, чтобы задуматься над тем, что же такого могло произойти с Ольгой три года тому назад и чем она, Алла, могла бы помочь подруге, ей вдруг стало трудно дышать... Она, сидя на постели у себя в номере, окруженная сбитыми простынями и рассыпанными на них мятными леденцами, которыми она заглушала неприятный привкус сигарет во рту, вдруг отчетливо увидела вместо стены комнаты белый выгоревший волжский пляж и Натана, сидящего на корточках перед ней и глядящего ее руку... Удочка, почти невидимая глазу, наполовину зарылась в песок, Натан в нелепой соломенной шляпе, из-под полей которой выбиваются его светлые и тоже похожие на солому волосы, смотрит на нее с таким обожанием, что ей и сейчас, когда она вспоминает эту сцену, становится не по себе, ее мороз пробирает... Лицо его розовое, по нему катится пот. Натан некрасив, но лицо его благородно, взгляд переполнен любовью к совершенно незнакомой ему девушке, растянувшейся на песке и грызущей молодое твердое зеленое яблоко. Алла смотрит на него глазами той, прежней Аллы и спрашивает себя, хочет ли она с ним переспать, нравится ли ей этот великан-альбинос, хотя нет, он не альбинос, ведь у него карие, подсвеченные солнцем глаза, веселые, умные, глядя в которые понимаешь, что с этим человеком можно отправиться куда угодно, не то что в саратовскую убогую гостиницу, куда он зовет, чтобы выпить холодного шампанского. Он действует наверняка, особенно не церемонится, говорит о шампанском, как о любви, которая должна случиться в гостинице, на непростиранных простынях и положить начало их новым отношениям.

Комната в кемерском отеле превращается в другую комнату, где она видит голого Натана, заботливо укрывающего ее, немного утомленную не столько его ласками, сколько кажущимся бесконечным днем, жарой, Волгой и пахнущим рыбой и тиной речным воздухом... Она, та, прежняя Алла, еще не знает, что он станет укрывать ее так же заботливо и нежно целых пять лет, что будет предупреждать каждое ее желание, став частью ее жизни, что сердце ее разорвется, когда он навеки уйдет от нее...

Она вдруг вцепилась пальцами в наволочку и завывала. Сначала тихо, а потом все громче, уткнулась лицом в пухлую, податливую мягкость подушки, и тело ее дернулось в каком-то судорожном протесте, она стала извиваться на кровати, прижимая к себе злосчастную подушку, и выть, видя перед собой дорогое ей лицо, спокойные карие глаза, которые она больше никогда не увидит... Белая круглая голова никогда больше не будет лежать рядом на подушке. Никогда он уже не позвонит ей, она не услышит его голоса!

Она рыдала и стонала до тех пор, пока в дверь не постучали... Но какое ей было дело до стучащих? Что они знали об их отношениях? О том, каким нежным бывал Натан, когда, уставший, приходил домой и, даже не ужиная, проходил в спальню, целовал свою спящую жену, проводил своими большими ладонями по ее волосам и говорил ласковые слова. Его нет! Где он сейчас? На кладбище? Нет, это не он там был, в гробу, Натан не такой, чтобы лежать при всех с закрытыми глазами, он не мог так поступить с теми, кто пришел к нему, не мог поступить так с ней...

В дверь перестали стучать. Ее просто открыли, какой-то человек в белом костюме вошел в номер, остановился возле рыдающей женщины, задал ей вопрос по-русски. Но она не пожелала даже повернуть голову. Тогда он позвонил по телефону и вызвал врача. В ожидании его дежурный администратор присел на стул рядом с кроватью и принялся с жадностью рассматривать женщину, пытаясь угадать линии ее тела под тонкой материей и представляя себя, срывающего с нее простыню и набрасывающегося на нее, такую беззащитную, плачущую, нежную, соблазнительную... Уж он бы успокоил ее, уж он бы приласкал, зацеловал бы ее всю, начиная

от этих блестящих густых каштановых волос, рассыпанных по подушке, и кончая пальцами белых стройных ног. Он уже давно наблюдал за ней, почти неделю, и ему нравилось, что она всех отвергает, что загорает не в пример другим, под зонтом, что мало ест (в ресторане он старался сесть близко к ней и не спускал с нее глаз) и мало разговаривает. В ней чувствовалась тайна, она приехала в Кемер не для того, чтобы развлекаться, а, скорее всего, для того, чтобы просто отдохнуть, прийти в себя. От чего?

Пришел доктор, хороший знакомый администратора. Тоже турок и тоже в белом.

– Мы сделаем вам успокоительный укол, – сказал администратор по имени Али. Доктор уже стоял со шприцем наготове.

Женщина не шевелилась. Тогда доктор, потянув за край простыни и оголив бедро женщины, почему-то вздохнул и, словно жалея свою неожиданную пациентку, сделал ей укол. Администратор, не отрываясь, смотрел на открывшуюся часть тела. На лбу его выступил пот...

Глава 2

Кемер, июль 2005 г.

Она открыла глаза и увидела голубой потолок. Рядом кто-то дышал. Она повернула голову и увидела мужчину. Она вспомнила, что его звали Али, но вот как он оказался в ее номере, не помнила.

– Уходите. – Она натянула простыню до подбородка. – Уходите, слышите? Я включаю свет...

Но при свете он показался ей еще более привлекательным, чем в том ее сумасшедшем сне, в котором она отдавалась не только администратору Али, бравшему ее, не снимая белого костюма, но и доктору, сухому высокому и жилистому турку с глазами-виноградинами... Натана больше не было, теперь его место на подушке рядом с ее головой будут занимать другие мужчины, в тысячу, нет, в миллион раз хуже Натана, глупее, грубее... У нее начнется новая жизнь, и ей придется научиться обходиться без него...

Смуглое тело Али нравилось ей, несмотря на то, что сейчас его присутствие в ее постели было противоестественным, ведь она еще не оправилась от истерики, ее глаза щипало от слез, а голова прямо-таки раскалывалась. Его присутствие казалось противоестественным уже по той причине, что она только сегодня по-настоящему осознала, какую потерю понесла... Она горько оплакивала своего мужа, а негодяй Али воспользовался ее состоянием, решил успокоить ее, заласкать чуть ли не до обморока... Ну и пусть. Должен же ее хоть кто-то немного любить. Пусть даже одну ночь.

Она выключила свет, набросила на себя рубашку и, стараясь не тревожить сон своего нового любовника, вышла из спальни и устроилась в кресле в другой комнате. Там при свете лампы она перечитала письмо Ольги и поняла, что созрела для того, чтобы впустить ее в свою новую жизнь. А почему бы и нет? Может, еще не поздно ей помочь? Так, во всяком случае, ее жизнь будет чем-то, вернее кем-то, заполнена. Она взяла телефон и спокойно, нисколько не волнуясь, набрала саратовский номер своей подруги.

Глава 3

Кемер, июль 2005 г.

Она звонила по этому телефону три дня. Но телефон не отвечал. Причин этому могло быть сколько угодно. Не отвечал и телефон Ирины. В Саратове жила тетка Аллы, Евгения Александровна, которую, правда, Алла звала просто Женей, в свои пятьдесят та выглядела очень молодо. Поэтому третий звонок был адресован ей. Вот в ее жизни в плане координат ничего не изменилось, и после второго длинного гудка Алла услышала ее приятный голос.

– Женя, это я, Алла Дворкина, – проговорила она и вдруг, произнеся фамилию Натана, захлебнулась в плаче, успокоилась на мгновение и выпалила: – Натан умер, представляешь? Я в Кемере, сижу вот в гостиничном номере и не знаю, кому позвонить, чтобы поделиться страшной новостью... Никого из московских знакомых ни видеть, ни слышать не хочу...

– Аллочка! – задыхнулась в искреннем возгласе сожаления и выражения соболезнования вежливая и добрая Женя. – Какое несчастье!

Алла тотчас представила ее себе – высокая, худая, сложенная втрое в своем глубоком красном любимом кресле, свет от торшера освещает ее впалую напудренную щеку и уголок пунцового рта. Женя доигрывала в драмтеатре последние роли, но, еще полная сил, готова была играть все, что угодно, лишь бы подольше оставаться на сцене. Женя похоронила своего мужа, художника этого же театра, десять лет тому назад, поэтому лучше всех могла понять свою так рано овдовевшую племянницу. Женя Оськина была красива той яркой, оригинальной красотой, что не дает женщине права запускать себя, забывать о своем истинном предназначении. У нее были идеальная фигура, густые, коротко остриженные волосы, потрясающей красоты кисти рук, которыми она играла на сцене не меньше, чем своим лицом, и большой чувственный рот, который она безбожно, с восьми лет, красила ярко-красной помадой. Штат ее любовников постоянно обновлялся, как и ее кровь. Словом, она жила полной жизнью и давала жить тем, кто ее любил. К своей единственной племяннице она относилась с трепетом и ужасно тосковала, когда та перебралась в Москву. Первое время они перезванивались, поскольку разлука всегда подразумевает перемены, и Алла испытывала желание поделиться с теткой впечатлениями о своей новой семейной московской жизни, но потом звонков стало меньше, хотя обе, и тетя и племянница, продолжали любить и помнить друг друга. И вдруг этот звонок. Евгения на какое-то время замолчала, осмысливая услышанное.

– Приезжай ко мне! – вдруг услышала Алла то, что хотела услышать.

За этими словами стояли долгие вечера за чаем или кофе в уютной, украшенной веточками сухой рябины кухне Евгении, ее советы, рассказы... Алла вспомнила звучание хорошо поставленного голоса Жени и запах, неповторимый запах ее просторной комфортной квартиры, где много воздуха, цветов и где после каждой выкуренной сигареты на стол ставится чисто вымытая пепельница...

– Приеду. Я тебе не помешаю?

– Нет, что ты! Вот только говорю с тобой сейчас, и не верится, что то, что ты мне сказала, произошло на самом деле... Натан. Он же был так молод. Что случилось?

– Тромб, – всхлипнула Алла, посмотрев на дверь, в которую постучали.

Это пришел Али. Жизнь продолжалась. Она на цыпочках подошла к двери и впустила к себе любовника.

– Я хотела тебя спросить, ты не видела Ольгу или Ирину? Они не заходили к тебе? Не звонили? Они бывают в театре?

– Ирина? Ольга? – Евгения тихо свистнула. – Алла, ты что, ничего не знаешь?

– Нет... – Алла подняла руки, помогая нетерпеливому Али раздеть себя. – А что я должна была знать? Три года тому назад...

– Да, три года назад это и произошло... Значит, ты знаешь?

– Да нет же! – Она перешагнула через трусики и легла с телефоном на кровать. Закрывает глаза. Али склонился над ней...

– Они погибли. Автомобильная катастрофа. Говорят, они поехали на Ольгиной машине в лес, то ли на пикник, то ли за грибами... Это было летом... Вот такие дела.

– Женя... – но больше уже она говорить не смогла. Язык Али коснулся ее, и она, почувствовав мощный прилив желания, выгнулась дугой на постели и застонала от наслаждения. – Я тебе потом перезвоню...

– Приезжай, – мягко повторила свое приглашение Евгения. – Целую тебя, моя дорогая...

Глава 4

Саратов, июль 2005 г.

Спустя неделю она уже стояла у саратовского аэровокзала и растерянно разглядывала подернутую сиреневой дымкой панораму города – аэропорт располагался на горе... Пассажиры, летевшие вместе с ней на самолете, все, как один, покидали аэропорт на своих, поджидавших их на стоянке машинах, Алле же пришлось останавливать попутку, чтобы доехать до центра города. Она уже сто раз пожалела, что не попросила свою тетку встретить ее. По телефону они договорились, где Евгения оставит ключи от своей квартиры – это был тайник, старый коричневый башмак, стоявший на обувной полке в общем коридоре, дверь в который не запиралась.

– Угол Радищева и Мичурина, – сказала она водителю, бросая легкий чемодан и дорожную сумку на заднее сиденье. – У вас здесь что, дождь был?

О том, что ее подруги Ирина и Ольга погибли три года тому назад и что она, разнеженная браком, не считала нужным помочь им, Алла думала постоянно. И не то чтобы ее мучили угрызения совести, нет, это было совершенно другое чувство. И чувство это было почему-то сродни обыкновенному любопытству. Так получалось, что все самое важное в своей жизни она воспринимала с опозданием. Взять хотя бы смерть Натана или свой роман с администратором Али, от которого она начала приходить в себя только в Москве, когда вошла в свою квартиру и Зоя, с нетерпением поджидавшая ее, бросилась ей на грудь...

Вот так и теперь. Погибли ее подруги, а она, вместо того чтобы горевать, чувствовать себя предательницей, пыталась понять, как же так могло случиться, что они разбились на машине приблизительно в то же время, в 2002 году, в июле, когда она получила письмо от Ольги. Что это, совпадение? Или же это был не несчастный случай и их смерть как-то связана с той проблемой, о которой упоминала в своем письме Ольга?

Ответ на этот вопрос она могла получить лишь в Саратове. И хотя девчонки не так уж долго были ей подругами, общалась она с ними с 1998-го по 2000 год, то есть не больше двух лет, все равно ей хотелось хотя бы сейчас, после их смерти, принять в них участие и понять, виновата ли она, Алла Дворкина, в том, что с ними случилось, – ведь она и пальцем не пошевелила, чтобы помочь им... Так она и расскажет Жене. Но на самом деле она приехала сюда не за этим – ей надо было вынырнуть из собственного кошмара, отвлечься, притронуться к чужой беде, ощутить горьковатый привкус чужой трагедии, чтобы ее собственная боль немного отпустила ее. Она понимала, что ею движет весьма эгоистическое чувство, но ничего не могла с собой поделать. К тому же она очень надеялась, что рядом с Женей она скорее придет в себя и поймет, как ей жить дальше. Женя. Она соскучилась по своей тетке и в машине вдруг испытала приятное чувство приближающейся встречи.

Жени дома не было. Зато ключ оказался в условленном месте. Он был выужен из пыльных пухлых недр старого башмака и вставлен в замочную скважину двери, за которой, Алла очень на это надеялась, для нее начнется новая жизнь.

В квартире было очень тихо, пахло испеченным недавно пирогом с яблоками, который она обнаружила на кухне. Прикрытый салфеткой, он благоухал горячим тестом и корицей. На столе лежала записка: *«Я на репетиции, буду в четыре часа. До встречи. Люблю и целую, твоя Женя».*

Алла распаковала чемодан и сумку, подарки разложила на столе в гостиной (она привезла Жене из Кемера красную узорчатую шаль и голубое эмалевое блюдо, коробку фруктового чая и белую воздушную арахисовую халву), свои же вещи убрала на свободную, приготовленную теткой полку в шкафу, развесила на плечиках. Затем приняла душ, густо намыливаясь зеленым, как незрелое яблоко, мылом и думая о том, что ей сейчас сделать. Да ничего не делать,

просто прилечь на диван и спокойно, не вдаваясь в панику, обзвонить всех своих знакомых, чтобы, во-первых, объявить о своем приезде и, конечно же, о смерти Натана, а уж потом спросить, как погибли Ольга с Ириной.

Но после душа и чашки чая с пирогом она прилегла и сразу же уснула. Ей снился Натан, он стоял по пояс в голубом, сверкающем на солнце море и звал ее сплавать с ним до буйков...

Глава 5

Маркс, сентябрь 1997 г.

Вика сидела в хорошо протопленной комнатке (шли холодные дожди, ветер срывал с деревьев еще почти зеленые листья), снятой ею еще в августе у рыжей веснушчатой дородной толстухи-хозяйки, совершенно небрежной особы, сквозь пальцы смотревшей на похождения квартирантки, и думала о Романе. Она думала о нем с самого утра, еще в постели, когда ей было лень разомкнуть веки и встретить новый день, думала за столом, когда пила дешевый кофе и ела бутерброд с жирной, но сытной грудинкой, думала на занятиях по анатомии, где откровенно зевала от недосыпания, думала в городской столовой, где на обед брала себе суп и картошку с мясом, и с мыслью о Романе засыпала. Он заполнил собой всю ее жизнь, и все мысли об этом двадцатипятилетнем блондине-художнике, время от времени захаживающем в медицинское училище, где училась Вика, чтобы пригласить девушек попозировать ему за умеренную плату, были о том, как сделать так, чтобы он обратил на нее внимание, как заставить его полюбить себя с такой же силой, с какой она его любила, чтобы в конечном счете он прекратил рисовать голых сокурсниц, а остановился лишь на ней, на самой красивой и достойной его карандаша, угля, мелка, кисти...

И тут вдруг случилось событие, словно разбудившее Романа, равнодушного внешне молодого человека, спокойного, слегка рассеянного, улыбочивого и немного странноватого на вид: он оказался замешанным в скандале, разразившемся в этом маленьком волжском городке и грозившем ему, Роману, как минимум, семью годами тюрьмы. Одну из учащихся марковского музыкального училища, расположенного на одной улице с медицинским училищем, изнасиловали. В сентябре этого года. Девчонка была пьяная, сама напросилась в гости к двум вроде бы пианистам, и никто не знает, что случилось в квартире, где устроили попойку, но девчонка, ее звали Марина (это имя прогремело на весь город и всколыхнуло начавшую темнеть и стыть волжскую воду), пришла домой под утро с синяками на бедрах, с красными пятнами засосов на шее и груди и распухшими от слез глазами и сказала своим соседкам по квартире, которую они снимали у старика немца (однорукого, большого любителя домашней кровяной колбасы и красного вина), что ее изнасиловали. Следовательно, к которому ранним утром ввалились три девицы-музыкантши с заявлением одной из них, Марины, об изнасиловании, посмотрел на них с подозрением. Он и раньше-то не уважал «пианисток», считая их потенциальными шлюхами или уж, во всяком случае, девушками доступными, веселыми и без комплексов. А тут – заявление об изнасиловании. Ну не смешно ли? Он спросил Марину, с потухшим взглядом стоящую перед ним в кабинете (воротник белого свитера закрывает половину лица, короткая юбка, плотные черные колготки, стройные ножки обуты в ботинки на высоких каблуках), кто ее изнасиловал, попросил назвать имена молодых людей, на что она ему ответила: один был пианист, зовут Саша, фамилия Воропаев, он лучше всех импровизирует на клавишных, другой – чужой, не из их училища, она видела его впервые, блондин, высокий, красивый, сказал, что ее тело надо показывать людям, как картины, а не прятать под свитером и юбкой. Порывался сорвать с нее одежду... Следовательно подумал про себя, что срывать одежду – не насиловать. Пригласил двух свидетельниц, которые могли свидетельствовать лишь тот факт, что Марина вернулась домой под утро, что плакала, сказала, что ее изнасиловали, один или двое, она не помнит... Марина стояла перед ним, худенькая, невысокая, с растрепанными рыжими локонами и бледным узким лицом, глаза ее смотрели испуганно, даже затравленно, и он представил себе, как она сама напросилась в гости к этим парням, как согласилась, глупая, выпить с ними, кокетничала напропалую, сидела, положив свою стройную ножку на ножку, желая, чтобы ее оценили, захотели, а когда захотели, испугалась, попросилась домой... По-хорошему, девушку надо было срочно отправить на экспертизу, но что-то подсказывало следователю, что рановато

заводить дело, что надо сначала разобраться, а вдруг девчонка передумает и заберет заявление обратно, таких случаев десятки... Он снова стал расспрашивать ее, что да как, она, краснея, рассказывала ему в подробностях, как пришла к молодым людям, о чем они говорили, что пили (оказалось, что домашнее вино и пиво), потом она целовалась с Сашей, а тот, другой, вроде говорил, что ждет девушку, что она опаздывает, он постоянно смотрел на часы и нервничал... На вопрос следователя, кто же изнасиловал ее, она так и не сумела ответить конкретно, предположила, что либо один из двоих, либо оба... Он не видел злости в ее глазах, когда она говорила о своих ночных друзьях, как не видел и смысла для нее заявлять в милицию об изнасиловании, поскольку слишком уж все было смутно, непонятно, да и ославится на весь город девчонка, зачем ей это? Но Марина упорно твердила, что ее изнасиловали и что она не собирается молчать, что она не совершила ничего предосудительного, заглянув к Саше послушать музыку просто как к сокурснику, как к хорошему импровизатору и согласившись выпить с ним немного пива... Но и после ее слов следователь не счел нужным давать ход делу, умолчал о том, что девочке нужно срочно отправляться в Энгельс, на экспертизу... Троица ушла, следователь вздохнул с облегчением и закурил. Он был уверен, что через день-два Марина одумается и вернется, чтобы забрать заявление. Но она не явилась...

Через пару дней он вызвал ее к себе и сообщил, что Саша-пианист из города исчез, возможно, его уже успели предупредить о том, что его ищет милиция. Личность же второго парня устанавливается. По описаниям это Роман Гончаров, художник, проживающий в городе Марксе на улице Гегеля и часто навещающий Александра Воропаева в снимаемой им квартире на проспекте Строителей. Как ни странно, но Марина так и не смогла сама вспомнить имя этого блондина и даже предположила, скромница-пианисточка, что эти двое нарочно ей подмешали что-то в пиво, чтобы она отключилась. Видно было, что фантазии ей не занимать.

И вот пока Романа Гончарова искали по городу, что называется, с фонарями и собаками, Вика, услышав про это, решила спасти Романа, разыскала его на старой мельнице, на заливе, где он часто писал свои картины, и предупредила о том, что его ищут. А поскольку выяснилось, что Роман действительно в тот день, точнее в тот вечер, который указывался в заявлении Марины Шелестовой, находился в гостях у Саши Воропаева, пианиста (но что там произошло, Вике он рассказывать наотрез отказался), то Вика предложила обеспечить ему алиби.

– Скажешь, что со мной был, я за тем и пришла... Люблю тебя, жить без тебя не могу, поэтому и разыскала тебя, поняла, что только я могу тебе помочь... Вот и скажем им всем, что вместе были здесь, на мельнице, что ты рисовал меня и слыхом не слыхал о каком-то там пианисте, который изнасиловал Шелестову.

Роман смотрел на нее и читал в ее взгляде такое неприкрытое желание, такую сумасшедшую подростковую, замешенную на эгоизме любовь, что понял – да, эта девчонка действительно сможет ему помочь, она сделает все, чтобы только выгородить его, даст ложные показания, которые помогут ему спастись от наказания за преступление, которого он не совершал, но при котором присутствовал. Он был там в ту ночь, у Сашки-пианиста, куда заявила и Марина. Сначала Сашка играл им джазовые импровизации на старом немецком пианино, черном, с бурыми продолговатыми пятнами в местах, где когда-то крепились подсвечники, а потом они просто пили вино, пиво, Марина наливалась, как осеннее яблоко, соком, кровью и бесстыдством, и Сашка воспользовался ее состоянием... Потом предложил Роману последовать его примеру, но Роман ушел. Взял свой этюдник, с которым не расставался, и ушел. Он тоже выпил много, но понял из слов перевозбужденного Сашки, что девчонка была девственна, что на постели кровь...

И вот сейчас перед ним стоит его поклонница, сумасшедшая девчонка теперь уже из медицинского училища, влюбленная в него по уши и мечтающая отдаться ему точно так же, как и ее сверстница, чтобы потом, вернувшись домой под утро и переодевшись в полудетскую, в розовых слониках или поросятах, фланелевую пижаму, сесть за круглый стол в маленькой,

хорошо протопленной, как топят газом все времячки в Марксе, комнате и, положив перед собой гладкий чистый лист бумаги, дрожащей от слабости и счастья рукой написать заявление о мнимом изнасиловании, адресованное какому-нибудь сонному, прокуренному насквозь следователю прокуратуры... Он не понимал этих девчонок и презирал их за доступность и легкомысленность. Он был старше их, семнадцатилетних, Роману в тот год исполнилось двадцать пять лет.

Роман привлек ее к себе, сладко пахнущую первыми заморозками и влажной шерстью длинного пальто, в которое она куталась, стараясь выглядеть старше, таинственнее, романтичнее, загадочнее. Ее черные кудри над высоким белым лбом, темные глаза и темно-малиновый рот обещали Роману серию портретов и великое множество бесплатных часов позирования – он вспомнил вдруг эту девчонку, которую рисовал однажды, у нее было стройное белоснежное тело с полной грудью и тонкими ногами...

А почему бы и нет?

– Спасибо тебе. – Он поцеловал ее в мятный ротик и прижал крепко к себе. – Тогда пройди, посмотри, как внутри мельницы, чтобы знать, вдруг спросят...

...Они пили кофе за маленьким столиком на мельнице, когда возле гигантской косматой ивы, закрывавшей окна, затормозила милицейская машина.

Глава 6

Саратов, июль 2005 г.

Женя сидела, утонув в кресле, напротив Аллы, задумчиво глядящей в окно, и профессионально, с трагическим выражением на лице, держала подобающую моменту паузу. Но недолго – ее жизнелюбие взяло верх, и она предложила:

– Выпьем?

– Выпьем, – вздохнула Алла, переводя взгляд с окна на ее вытянутое, как и сама Женя, бледное лицо с карминными губами. – Честно говоря, мне так хотелось с тобой напиток... ни с кем не хотелось, только с тобой. И вообще, тетка, если бы ты знала, как отвратительно я себя вела в Кемере, спуталась с администратором...

– Он хотя бы ничего был? – улыбнулась рекламными белыми зубками Евгения. – А, племянница?

– Очень даже ничего. Красивый, ласковый, как раз такой, какой мне и нужен был, чтобы немного подлечиться. И если бы не эта история с моими девчонками, я бы осталась там еще на месяц, чтобы окончательно прийти в себя. Представляешь, я вбила себе в голову, что мои любовные кемерские похождения не имеют никакого отношения к Натану, к его памяти, словно это вообще другая жизнь началась, вернее, старая продолжилась... Ты знаешь, я всегда к этому легко относилась: сегодня – один, завтра – другой... Никого не любила, жила спокойно, счастливо и чувствовала себя сильной, здоровой и любимой. Но это до моего замужества. Потом – как отрезало. Я мужу ни разу не изменила, мы с ним так хорошо жили... Даже и не знаю теперь, смогу ли я полюбить кого-нибудь так, как моего Натанчика. И как же случилось, что он рано умер? Предательски по отношению ко мне рано. Непростительно рано. В Москве мне очень тяжело, все о нем напоминает...

– Ты сюда приехала, чтобы предаться провинциальному мазохизму? В тишине, жаре, тяжелых беседах с теми, кто мог бы пролить свет на причину смерти твоих подруг? Мне кажется, я понимаю тебя. Но только это же не убийство, а обыкновенный несчастный случай. Девчонки поехали в лес за грибами на машине. Знаешь, я бы рада тебе помочь, но они же мне никто, я с твоими подругами не общалась, только видела несколько раз, когда ты с ними в театр приходила, кажется, у меня дома были однажды после спектакля, так?

– Так.

– Ты по телефону спрашивала меня, не были ли они в нашем театре, не заходили ли ко мне, о чем ты?! Они же продавщицы! Ты уехала, и их культурная жизнь свелась, я думаю, к полусонному просиживанию перед телевизором, и это в лучшем случае... Ты не обижайся, но у меня о продавщицах свое мнение – это ограниченные женщины, хотя и хорошо одетые, но встречающие тебя на пороге своего бутика оценивающе, понимаешь? И если ты не в состоянии купить у них какую-нибудь французскую, купленную, между прочим, на дешевой распродаже тряпку по их бешеной цене, то они тебя, не скрывая своих убогих чувств, откровенно презирают. Ведь они этим живут, понимаешь? Питаются моей несостоятельностью, делая вид, что блузка, которую я примеряю, действительно стоит как чугунный мост и что это ты виновата в том, что нацепила на себя вещь, которую не в состоянии купить, лучше бы сидела дома со своим пустым кошельком...

– Ба, да ты, я вижу, действительно имеешь зуб на продавщиц.

– Сидят, курицы, целыми днями на стуле, читают детективы, а когда ты заходишь к ним в магазин, бросаются к тебе со сладкой улыбочкой и говорят: вот, у нас свежий завоз, только вчера привезли из Европы коллекцию такого-то модельера, посмотрите, потрогайте, лизните, кусните... Противно...

– Женя, я тебя не узнаю! Мне все эти разговоры неприятны, потому что и я тоже работала вместе с Ириной и Олей в магазине. Мы же с ними там и познакомились. И если бы я не встретила Натана и не переехала бы в Москву, то до сих пор торчала бы в этой дыре и помогала жирным теткам примеривать юбки... Что это ты так обозлилась на них?

– Ее чуть не посадили, – вдруг произнесла Женя и, наслаждаясь тем, что своей неожиданной фразой шокировала племянницу, удивила, поразила, спокойно, со вкусом закурила длинную тонкую сигарету.

– Кого? – Алла смотрела на нее, совершенно сбита с толку. – Кого чуть не посадили?

– Ольгу, кого же еще! Поэтому-то, я думаю, она тебе и написала, помощи просила, деньги ей были нужны на адвоката, чтобы вытащить ее...

– А что она натворила?

– Я точно не знаю, но Лариса Вундер, наша прима, одевается в дорогих магазинах, и в вашем «Черном бархате» тоже, у нее денег много, она не торгуется, и продавцы ее просто обожают. Вот ее младшую сестру-то там и обокрали, в вашем «Черном бархате»: пока она крутилась перед зеркалом в зале, из примерочной кабины выкрали ее норковую шубу, очень, говорят, дорогую, которую она купила в этот же день и таскала с собой в большом бумажном пакете, да сумочку с деньгами, там было около двух тысяч зелеными и еще тысяч семь в рублях. Никто не знает почему, но подозрение пало на Ольгу... Понимаешь, накануне, я знаю это тоже со слов Вундер, Ольга купила старый «Мерседес», залезла в долги, понимаешь?... Может, поэтому на нее подумали, а может, та девчонка, сестра Вундер, у которой шубу украли, видела ее в примерочной... Словом, ее задержали, нервы потрепали капитально, но потом, кажется, за недоказанностью отпустили... А ты спрашиваешь, не ходят ли они в театр, смешно... До театра ли им, когда они всю энергию тратят на то, чтобы дотянуться до своих клиенток, а если не получается, то выплескивают на них весь свой яд...

– Что-то ты слишком разозлилась на них... Женя, остынь. Я приехала и теперь постараюсь все выяснить, понять, что же такого произошло, что она просила меня помочь, ведь письмо от пятого июля две тысячи второго года. Встречусь с твоей Вундершей, поговорю с ней, с ее сестрой...

– Но зачем это тебе?! – искренне возмутилась Женя, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу. – Я понимаю еще, тебе хочется узнать, как они погибли, но эта история с шубой... Я рассказала тебе о ней, чтобы ты успокоилась и не винила себя в том, что не помогла тогда, три года тому назад, тем более что все закончилось благополучно, ее отпустили и обвинения с нее сняли. Кажется, даже сестра Вундерши просила у нее прощения...

– А настоящего вора нашли?

– Как же, найдут...

– А что с Ольгой было потом? Она осталась в «Черном бархате»?

– Нет, их с Ириной сразу уволили. Или же они сами ушли. Говорю же, эта история мимо меня прошла, я слышала о ней краем уха...

– Однако длинное у тебя ухо, – усмехнулась Алла.

– Если хочешь, я устрою тебе встречу с Вундершей прямо завтра. И с одним моим приятелем – следователем прокуратуры – могу познакомить. Он хороший человек, может тебе помочь собрать информацию о твоих подружках, о том, как они погибли... Но, уверяю тебя, это не очень интересная история. Отвлечешься, это да, хотя, собственно, ты же за этим и приехала...

– Стыдно так говорить, но это действительно так. Если они были живы и здоровы, я бы заехала, конечно, к тебе поплакаться в жилетку, но пробыла бы в Саратове недолго, вернулась в Кемер или отправилась бы еще куда-нибудь... Но это письмо всплыло именно после смерти Натана, и я подумала, что должна что-то сделать, хотя бы приехать сюда...

– Правильно сделала.

И вот в тот момент, когда Женя произнесла это, Алла вдруг испытала жгучий стыд за свой приезд и за свое эгоистичное желание расследовать дело, которого не было... Какое ей вообще дело до Ирины и Ольги? Они были в ее прошлой жизни, которая и в собственных-то глазах позорит ее, а что думает о ее легкомысленном прошлом Женя? Уж она-то знает, какой образ жизни вела племянница, предоставленная после смерти родителей сама себе. Ну и ладно... Она тоже была молодая, должна все понимать...

Глава 7

Энгельс, сентябрь 2002 г.

Марина Шелестова ехала в старом разбитом автобусе по городу Энгельсу и спрашивала себя, как она могла вообще попасть в такую ситуацию и почему не нашлось никого на всем белом свете, кто бы отговорил ее подавать заявление в милицию. Девчонки, с которыми она жила на квартире, восприняли ее историю как возможность принять участие в бесплатном спектакле, получив выигрышные, нейтральные роли свидетелей чужой драмы, развлечься, посплетничать наконец. Тупые как пробки, они не догадались подсказать ей, пребывающей в состоянии душевной комы, в полной растерянности и испытывающей боль от сознания того, что ее изнасиловали – воспользовались тем, что она, голодная, быстро опьянела, – как можно выйти из этой непростой ситуации с наименьшими потерями, и вместо этого предложили самое радикальное – потащиться в милицию, предварительно сочинив повесть о том, как двое подвыпивших молодых людей изнасиловали невинную барышню. Им даже в голову не пришло, что если уж приняли решение идти всей компанией в милицию, то перед этим Марине нельзя было мыться – на теле должны оставаться истинные следы насилия... Напротив, девчонки согрели ей воды и заставили вымыться, привести себя в порядок, чтобы предстать перед представителями закона чистой и хрустящей. Ей даже дали электрические щипцы, чтобы она могла уложить свои непослушные рыжие волосы. Следовательно... Отвратительный тип, который не верил ни единому ее слову и даже в душе, как ей показалось, посмеивался над ней. Вот почему, почему, спрашивается, он направил ее на экспертизу лишь спустя две недели?! Синяки, которые появились у нее в ту роковую ночь на внутренних сторонах бедер, почти сошли. Засосы на груди и шее – тоже. Оставалась одна надежда – что хотя бы внутренние изменения в ее теле (в памяти осталось мучительное воспоминание о том, как кто-то из этих двух парней совершал с ней какие-то болезненные и грубые действия) еще успеют послужить доказательствами того, что ее все-таки лишили невинности...

Она вышла из автобуса и пошла по скользкой от грязи дороге прочь от домов, в сторону какого-то пустыря, за которым виднелось серое двухэтажное строение – городской морг. Именно сюда ее направил следователь с коричневым конвертом, адресованным эксперту.

Возле дверей морга стоял грузовик, с которого сгружали, судя по очертаниям тела под грязной простыней, мертвеца. Какие-то парни в куртках и вязаных шапочках с деловым видом втащили носилки внутрь строения. Как если бы это была старая газовая плита или книжный шкаф.

Марину всю трясло, когда она переступила порог морга. Ей показалось, что электрический свет в коридоре излишне желт. И стены желтые, и даже какая-то пожилая женщина в кажущемся желтым халате тоже была желтая... Женщина спросила, где одежда для покойного. Предупредила, что если это будет костюм, то его разрежут сзади, говорила еще что-то обыденным, серым (а может, желтым?) голосом...

– Вы меня с кем-то спутали, мне к Геннадию Васильевичу, – проговорила осипшим от страха голосом Марина и попятилась, ударилась спиной о дверь, которая сразу стала будто опрокидываться назад. Марина, оступившись, чуть не упала, резко обернувшись, в серое прохладное помещение, присмотрелась, вдохнула в себя поглубже мерзкий запах гнили и вдруг вскрикнула – увидела лежащий на полке в отдалении синий труп...

– Вам кого?

Из голубой темноты показался пузан в бирюзовом халате, поверх которого был повязан оранжевый, побуревший от темных густых пятен, прорезиненный фартук.

– Мне Геннадия Васильевича, я из Маркса, от следователя... Он вам звонил, а у меня направление.

– Пойдемте. Я и есть Геннадий Васильевич.

У него было свежее розовое лицо, веселые карие глаза и сверкающая круглая молодая лысина.

Он привел ее в отдельный кабинет, включил свет, и Марина увидела гинекологическое кресло.

– Раздевайтесь, забирайтесь. – Он махнул рукой на кресло, сел за стол и принялся изучать содержание записки от следователя.

Она стояла, не в силах снять даже куртку. Тело не слушалось ее. Она в который уже раз пожалела о том, что заварила эту кашу. И вот теперь расхлебывает: Саша-пианист исчез, говорят, его видели в Красном Куте, он отсиживался там у своей любовницы, бывшей выпускницы музыкального училища Наташи Метлиной. Второй, который блондин, Роман Гончаров, отбоярился, предоставив следователю алиби – нашлась девушка, которая подтвердила его слова о том, что в ночь с 12 на 13 сентября он провел на мельнице с ней, и что они вообще собираются пожениться, а с пианистом на квартире был какой-то другой блондин. Марину приглашали, чтобы она опознала Романа, но она не могла ответить утвердительно, что это именно он. Либо он каким-то образом изменил свою внешность до неузнаваемости, либо она была настолько пьяна, что не запомнила его. Или же это был вообще не он. В любом случае, ей было ужасно стыдно перед этим парнем, ей сердце подсказывало, что он здесь ни при чем, что такой красивый, с благородной внешностью молодой человек ну никак не может быть насильником.

В училище она ходила, краснея перед однокурсниками, преподавателями, обмирала всякий раз, когда навстречу ей шел директор... Ее жизнь превратилась в сплошной стыд. Спрашивается, зачем она пришла тогда к Сашке на квартиру? Чтобы послушать, как он играет? Да кто этому теперь поверит? Но ведь это чистая правда. Сашка никогда не нравился ей, не привлекал ее как мужчина, она никогда не была в него влюблена, но зато ей нравилось, как он играет, с наслаждением смотрела, как он извлекает из старого пианино завораживающие джазовые аккорды, сердце ее сжималось всякий раз, когда она, проходя по коридору музыкального училища, слышала его импровизации. И вдруг он, Сашка, ее изнасиловал! Да, вот теперь, по прошествии двух недель, она уже точно могла сказать, что тот, второй, здесь действительно ни при чем. Но колесо завертелось, она не знала, как сказать следователю, чтобы он оставил Гончарова в покое, боялась, что ее привлекут за дачу ложных показаний, она была абсолютно безграмотна в этом плане. И паутина плелась вокруг двух насильников, в Маркс приехала мать Сашки и привезла Марине пачку денег: вот, дочка, все, что у нас есть, возьми, только забери свое заявление, прости нас... Этот утренний неожиданный визит Марине не забыть никогда. Она была в халате, заспанная, открыла дверь и увидела эту женщину. И когда та представилась, зажмурилась, не в силах смотреть ей в глаза. Ее сыну грозило семь лет за изнасилование. Все знают, что ожидает в тюрьме тех, кто попал по этой позорной статье...

Она не приняла деньги и сказала, что доведет дело до конца. Говорила, плохо соображая, что делает. Ей было непонятно, почему сам Сашка до сих пор не дал о себе знать, почему не нашел способ приехать, прийти к ней и хотя бы извиниться, и тогда не понадобилось бы никаких родителей, денег... Ее подружки все, как одна, твердили, что она дура, отказавшись от денег, что Сашкина мать отнесет теперь эти деньги следователю, что, собственно, и произошло, иначе и быть не могло, любая мать поступила бы таким же образом... И вот результат: Марину отправили на экспертизу спустя аж две недели!

...Она все-таки забралась на высокое кресло, села и сложила руки на коленях. Геннадий Васильевич подошел к ней и мягко так, сочувственно улыбнулся, мол, давай ложись как следует, на спинку, ноги раздвинь и устрой вот сюда...

Она вся зажалась, он просил расслабиться, но она так и не смогла. Чувствовала, как в нее хотят протолкнуть что-то холодное и металлическое, попыталась возмутиться, это было еще хуже, чем изнасилование.

– Все, вставайте...

Он даже не оглянулся, не посмотрел на нее, сел и с озабоченным видом принялся что-то строчить на обратной стороне записки. Марина поспешно оделась и, начиная с этого момента, ничего уже не помнила... Пришла в себя лишь в кабинете следователя, спустя три часа. Он взял из ее рук коричневый конверт, прочел записку и кивнул головой с видом человека, только что получившего подтверждение своей правоты.

– Дело закрыто, гражданка Шелестова, факт изнасилования не подтвержден. Экспертиза показала, что вас, как бы это помягче выразиться, не тронули... Возможно, применили в отношении вас развратные действия, но доказать это невозможно... Поэтому... – Он достал из ящика стола ее заявление и порвал прямо на ее глазах. – Вот, собственно, и все.

На следующий день, проходя по коридору музыкального училища, она вдруг остановилась, волосы на ее голове зашевелились: за стеной, в одном из классов звучала чудесная джазовая импровизация...

Глава 8

Саратов, июль 2005 г.

Женя устроила встречу Аллы с Ларисой Вундер и ее сестрой Лизой в китайском ресторане «Мандарин». Лариса, прима драмтеатра, молодая ухоженная женщина, вся в красном, яркая роковая блондинка с голубыми глазами и бледным лицом, подбородок которого портили затертые жидкой пудрой прыщики, готовилась сыграть свою очередную роль – она вошла в ресторан царственной походкой, забыв, вероятно, что на этот раз главная роль все же отводилась ее родной сестре, Лизе – худенькой и еще более бледной блондинке в белых джинсах и синей спортивной майке.

– Примите наши соболезнования, – начала Лариса, усаживаясь за столик напротив одетой в темное платье Аллы и по-свойски улыбаясь своей коллеге Жене.

– Спасибо. – Алла даже привстала, чтобы за руку, почти по-мужски, поздороваться с примой. – Я не хочу занимать у вас много времени...

– А это Лиза, – несколько обиженно проговорила Лариса, представляя свою тень, свою копию – сестру.

– Спасибо, что пришли, я понимаю, что у вас плотный график... – Алла немного нервничала, потому что с каждым часом, с каждым днем пребывания в Саратове все больше и больше чувствовала бесполезность своего приезда. О чем она сейчас будет спрашивать этих амбициозных, но, слава богу, провинциально отзывчивых сестер? О том, как одну из них вроде бы ограбили в магазине модной одежды? Наверняка, собираясь сюда, они спрашивали друг друга, зачем это понадобилось Жениной племяннице, к тому же только что овдовевшей, приезжать сюда и спрашивать об украденной шубе, не бред ли это? И не заодно ли эта московская дамочка со своими подружками, которых, кажется, после той истории с ограблением выставили на улицу?

– Я хочу, чтобы вы поняли все правильно. Ирина Капустина и Ольга Воробьева – мои подруги. Я сама родом из Саратова, дружила с ними, пока не вышла замуж и не уехала с мужем в Москву. Это произошло в 2000 году. Мы первое время перезванивались, но потом, как это бывает, звонки стали реже... Словом, мы не виделись пять лет. Но три года тому назад случилось событие, ради которого я и приехала сейчас в Саратов. Вам оно покажется, может, и не стоящим внимания, тем более что моих подруг больше нет в живых...

Лариса и Лиза переглянулись, из чего Алла сделала вывод, что Женя не сочла нужным рассказывать сестрам об этом, решив, что это должна сделать она сама, Алла. Умная Женя, ничего не скажешь. Ей бы режиссером быть...

– Да, они трагически погибли... Так вот. Три года тому назад я совершенно неожиданно получила письмо, в котором Ольга просила меня о помощи. Просила меня позвонить ей. Писала, что у нее возникла проблема, но что она не виновата... Но обстоятельства сложились таким образом... Понимаете, я была полностью поглощена своей семьей, я не хотела оглядываться на свое прошлое, словом, я не среагировала на это письмо, не позвонила, не написала... Письмо было отправлено мне в начале июля, а точнее, пятого июля две тысячи второго года, а шестнадцатого июля, как сообщили мне в милиции сегодня утром, когда я позвонила, чтобы выяснить точную дату, они погибли в автомобильной катастрофе – у машины отказали тормоза, и она врезалась в столб... Обе девушки погибли на месте. Вот я и хочу спросить вас, когда именно произошло ограбление, чтобы понять, связано ли как-то письмо Ольги Воробьевой с тем, что произошло в магазине. Действительно ли она украла вашу шубу, Лиза, или же это недоразумение и моя подруга не виновата?

– Мою шубу украли третьего июля, – коротко ответила Лиза и достала сигарету, закурила. – Я это хорошо помню, потому что третьего июля у моего парня день рождения, я зашла в

«Черный бархат», чтобы купить юбку, очень дорогую, со стразами и кружевом... А перед этим я купила шубу, норковую, понимаете, летом они намного дешевле. У меня и чек имеется... К тому же факт кражи был зафиксирован милиционером, которого мы вызвали прямо в магазин... Да, это было точно третьего июля.

– С чего вы решили, что вашу шубу украла Ольга?

– Понимаете, все мои вещи лежали в примерочной кабине, я вышла в юбке и та, другая продавщица, Ирина, подвела меня к зеркалу, мы с ней разговаривали, она говорила мне, что юбка сидит отлично и все такое... В магазине, кроме Ольги, была еще одна пара – мужчина и женщина. Но они очень быстро ушли, Ольга осталась, и вид у нее был какой-то затравленный, она как-то странно на меня смотрела... Я бы даже сказала, что в глазах ее был страх. Вот так.

– И что дальше? Где находилась Ольга и где примерочная?

– Да все рядом! Недалеко от выхода! Я вернулась в примерочную, чтобы снять юбку, и увидела, что нет ни пакета с шубой, ни сумки. Я была в шоке! Набросилась сначала на Ирину, а потом, когда повернулась и увидела лицо Ольги, стоявшей рядом с выходом и делающей вид, что она собирается обслужить меня на кассе, спросила ее, не видела ли она, кто вынес из примерочной мою шубу... Она широко раскрыла глаза и сказала, что ничего такого не видела, что она постоянно находилась в зале и никуда не отлучалась, а когда я спросила ее, не видела ли она, когда из магазина выходили мужчина с женщиной, она так и вовсе замолчала... У нее был очень растерянный вид.

– И все?

– Да, – вздохнула Лиза. – Я не видела, конечно, как она выносила шубу из примерочной, и милиция, которую я сразу же вызвала, вернее милиционер, осматривавший подсобные помещения, не нашел шубу в магазине... И сумку, разумеется, тоже. Но те двое могли быть сообщниками, понимаете? Как бы то ни было, но шуба пропала. Она исчезла. Вместе с сумкой.

– А вам не пришло в голову, что вы оскорбили, унизили ни в чем не повинного человека, обвинив в краже? – спросила Алла, понимая, что Лизой в тот момент, когда она обнаружила пропажу, руководили лишь эмоции. И это тоже можно понять – все-таки шубу украли, стоимостью, как сказала ей раньше Женя, около четырех тысяч долларов. И плюс еще сумку с деньгами. А вечером ей идти на день рождения к своему парню...

– Пришло, конечно. Ольгу задержали, я сгустила краски, сказала, что видела, как она метнулась резко к выходу, и что у нее в руках был большой пакет... Я тогда словно с ума сошла, так плакала, так расстроилась... Шубу мою, конечно, не нашли, никто ее не вернул, я-то теперь понимаю, что ее выкрала та парочка, но Ольгу отпустили. Хотя и продержали несколько дней. Она даже адвоката искала...

– А вы откуда знаете?

– Мне Ирина сказала. Понимаете, я же этих девушек часто видела, мне вообще нравился их магазин, я обращалась к ним по имени и разговаривала с ними как с приятельницами... Они мне и скидки делали...

– Тогда тем более непонятно, почему вы так набросились на нее...

– Ее лицо... Вы не понимаете... У нее был вид человека, совершившего преступление.

Алла не верила своим ушам. Эта девчонка утверждала, что у Ольги было лицо как у преступницы, но откуда ей знать, как выглядят преступники? Даже убийцы могут быть с ангельскими лицами...

– Вы понимаете, что это несерьезно, что это тоже преступно, наконец, обвинять человека в краже только за то, что у него было растерянное лицо...

– Вот поэтому я приходила и извинялась перед ней, принесла бутылку шампанского и даже деньги, пять тысяч рублей, чтобы только она простила меня и чтобы я могла спокойно приходиться в этот магазин... Не знаю, как я могла так поступить...

– У нее был шок, это же понятно! – вмешалась в разговор молчавшая до этого и медленно поглощавшая ломтики маринованного мяса Лариса. – Любая бы на ее месте устроила шум... Я ей еще сказала тогда, что украсть мог кто угодно, и с чего она взяла, что это продавщица, но она мне толком так и не ответила...

Алла сидела, слушала и представляла себе уже, как садится в самолет и возвращается в Москву. Все, хватит с нее расследований. Глупости все это. Какая-то шуба, извинения... Хотя именно этот инцидент и заставил Ольгу, видимо, что-то предпринять, написать своей московской состоятельной подруге, чтобы попросить ее помочь ей. Видно, ни у нее, ни у Ирины на тот момент не было денег на адвоката. К тому же Ольга не так давно купила «Мерседес», заняла у кого-то денег, словом, у нее были долги... Но все же закончилось благополучно. Лиза у нее даже прощения попросила.

– А что хозяйка магазина? – Алла знала хозяйку, Галину Позднышеву, как знала и то, что Галина очень дорожила своими продавцами и не могла их вот так просто уволить за преступление, которого они не совершали. – Вы разговаривали с ней?

– Да, перед ней я тоже извинилась... Попросила, чтобы Ольгу не трогали, не увольняли, что я ошиблась... Неприятная история.

– Шубу, значит, так и не нашли, – кивнула головой Алла. – Скверная история, вы не находите?

А про себя подумала: «Сегодня же возьму билет на завтра...»

– Но они сами ушли... Думаю, у них с хозяйкой конфликт вышел, может, она тоже такая же эмоциональная, как и я, наговорила им, Ольга обиделась и ушла, а Ирина с ней... Но все равно – у Ольги было такое лицо, вы себе представить не можете... Я откуда-то точно знала, что это она, но рассудком понимала, что доказать не могу, поэтому и извинялась...

– Теперь вы без шубы? – зачем-то спросила Алла.

– Ну почему без шубы? С шубой. Я тогда же, летом, вышла замуж... У меня теперь аж две шубы. Но все равно история неприятная, и я вспоминаю ее с тяжелым чувством...

– Вы до сих пор думаете, что это Ольга ее украла?

– Я воздержусь...

– Алла, – подала голос Лариса и посмотрела на нее с подозрительностью. – Мы собрались здесь, четыре неглупые женщины, зачем? Затем, чтобы поговорить о шубе? Я не верю вам. Девушки погибли. Шестнадцатого июля. Уж не собираетесь ли вы связать их смерть с происшествием в магазине? Говорите прямо!

Такого не ожидала даже Женя, которая, услышав приму, аж присвистнула.

– Лара, ты что, спятила? Человек приехал, чтобы выяснить, нет ли ее доли вины в том, что они погибли, понимаешь? Другими словами, что было бы, если она тогда отозвалась или даже приехала сюда, чтобы помочь своей подруге... А ты что такое говоришь?

– Из-за такого не приезжают... – отмахнулась Лара, отказываясь верить Жене и тем более ее прибабахнутой племяннице. Она с самого начала чувствовала, что Лизу пригласили в ресторан вовсе не для того, чтобы говорить о пропавшей шубе, было что-то куда более серьезное, о чем им с Лизой еще только предстояло узнать. – Ситуация сложная, но все равно не такая серьезная, чтобы связывать ее со смертью. Это же был несчастный случай. Так что, Алла, возвращайтесь к себе в Москву спокойно, ни о чем не переживая... Мы все подвержены эмоциям. И Лиза, наломавшая дров, потому что такая невыдержанная. И я, когда прибежала в магазин и устроила разнос девчонкам, и Ольга, которая, испугавшись, написала вам письмо... А виноваты те, кто украл шубу. Бедные Ольга и Ирина. Я предлагаю выпить за упокой их душ, честное слово, так этих девушек жалко...

Когда сестры вышли из ресторана, Лариса еще какое-то время молчала, вспоминая разговор, Лиза же вообще находилась в сильно подавленном состоянии.

– Мне не хватало только еще, чтобы Алик связал смерть своей бывшей подружки с шубой, – проговорила наконец дрожащим голосом Лиза. – Откуда мне было знать, что они разобьются, что погибнут... Ну перегнула палку, не надо было мне все это устраивать и поднимать шум, но кража шубы – это первое, что тогда пришло мне в голову. Представь себе, прошло уже три года, все тихо-мирно было, и вдруг эта Алла. Ну скажи, чего ей нужно было от нас? Выслушать рассказ о шубе? Или она действительно думает, что это я подстроила аварию, чтобы отомстить ей за кражу?

– А если бы ты знала, как удивилась Женя, когда я – представляешь, я, я?! – Лара подняла вверх указательный палец с немного кривоватым красным острым ногтем, – так легко согласилась встретиться с ее племянницей, да еще привести тебя с собой?! Мы же с ней вообще не разговариваем, только на репетициях, у нас с ней давний конфликт...

– Из-за Мики?

– Не только, – отмахнулась, не желая вспоминать общих с Женей любовников, Лариса. – А тут вдруг я согласилась, да еще, повторяю, с такой легкостью... Как ты думаешь, ее это не насторожило?

– Понятия не имею, – пожала плечами Лиза. Ее, по большому счету, не интересовали театральные интриги сестрицы, она вся была поглощена своими страхами, боялась, что эта дама, прибывшая из Москвы, собирается разоблачить ее и доказать всему миру, что шубу-то никто и не крал, что все это было подстроено с одной-единственной целью: посадить Ольгу, ее соперницу, в тюрьму, избавиться от нее любым способом. – Но у меня от всего этого голова идет кругом.

– Не бойся. Шубу все равно никто не найдет, и никто ничего не докажет. Насколько я помню, те люди, которые помогали тебе в этом грязном деле, живут на Украине. Ты мне только одно скажи: ты действительно после этого скандала приходила и извинялась перед Ольгой?

– Правда. Я испугалась, что Алик бросит меня, он не такой дурак... Я-то думала, что он ничего не узнает, они же перестали встречаться... Мне сон тогда дурной приснился. Словом, я испугалась...

– А что с ней было потом?

– Не знаю, но в магазине я их потом не видела, вместо них работали другие девчонки.

– Ты легкомысленная, Лиза, ничего не можешь довести до конца. Я бы вот, например, эту Ольгу посадила. А что? Сегодня не украла – завтра украдет.

Лара вдруг поняла, что сморозила глупость, остановилась прямо посреди улицы и посмотрела на Лизу. И вдруг ее осенило:

– Знаешь что, сестричка, ну-ка посмотри-ка мне в глаза! Они действительно разбились в машине случайно или же это твоих рук дело?

Глава 9

Маркс, ноябрь 1997 г.

Роман Гончаров так увлекся Викой, что позволил ей поселиться у себя на старой мельнице, и теперь, после того, как история с изнасилованием какой-то там Марины улеглась и даже забылась, успокоился окончательно и понял, что влюблен. Он перевез из своей городской квартиры, где проживал с матерью, школьной учительницей, кое-какую мебель (диван, старый комод и книжный шкаф), постель, посуду и даже запасы домашних консервов и стал жить с Викой как с женой. Утром после завтрака он провожал ее в медицинское училище, потом возвращался и работал, писал свои картины. После двух часов Вика возвращалась, разогревала обед, и они трогательно, чуть ли не в обнимку, устроившись за маленьким круглым столом, обедали, затем спали часов до пяти-шести, и вечером, до полуночи, каждый занимался своим делом: Вика читала медицинские книги, готовила еду на завтра, а Роман продолжал работу над своими холстами. За две недели такой райской, романтической жизни, пропитанной, как густым сладким сиропом, любовью, родилось два отличных Викиных портрета и натюрморт с зимними яблоками. Натюрморт Роман весьма выгодно продал одному заезжему коммерсанту, а портреты решил оставить себе: не мог позволить, чтобы кто-то владел родным ему лицом, ее глазами, губами, черными кудрявыми волосами...

Его мать, тяжело переживающая увлечение Романа какой-то девчонкой, которую она даже видеть не желала, хотя Роман и звал ее к ним на мельницу, хотел познакомить с Викой, а заодно показать ей, трепетно относящейся к творчеству сына, на редкость удачные, по его мнению, портреты, с ужасом ждала известий о беременности своей бутафорской невестки. Роман же, чувствуя, что отношения его с матерью с каждым днем становятся все прохладнее, пытался убедить ее в том, что Вика хорошая, что они любят друг друга и что, возможно, именно она-то и станет его женой, вдруг начал понимать, что мать любит его какой-то болезненной, эгоистической любовью и что, будь его избранница даже святой, все равно не пожелает отдать ей сына, и что его личная семейная жизнь в любом случае обернется для него потерей матери. Он еще не знал, готов ли он к этому, но заходить к матери стал реже и даже, думая о ней, начал испытывать неприятное, щемящее чувство, как если бы не он, а мать предала его, бросила. Не так он представлял себе свою взрослую жизнь. Он всегда видел свою мать рядом с собой, рядом с самыми близкими ему и дорогими людьми – женой, детьми...

Природа щедро одарила Романа талантом рисовальщика, он рисовал с раннего возраста, причем на всем, что попадалось под руку: на бумаге, стенах, столешнице, оконных стеклах и даже на собственной коже. И мать, воспитывавшая его без мужа (отца своего Роман так никогда и не увидел, хотя знал, что он живет где-то рядом, в Марксе, и что у него своя семья и еще двое сыновей), никогда не ругала его за разрисованные стены и окна, она чувствовала, что Роман – прирожденный художник, и очень рано стала покупать ему краски, кисти и все, что могло бы понадобиться мальчику для рисования. После десятилетки он с легкостью поступил в художественное училище, отлично окончил его и теперь, превратив с помощью матери и ее хорошего друга, занимавшего не последнюю должность в администрации города, старую мельницу в комфортную, отапливаемую и просторную мастерскую, практически все время проводил там. Романа уважали в городе, многие, кто видел его работы на художественных выставках, здоровались с ним и улыбались ему, хотя и не могли позволить себе купить его картины, но настоящая известность к нему пришла только после того, как он выставился в Радищевском музее в Саратове; несколько его работ были куплены иностранцами, пару раз его фото (залитая солнцем белокурая голова с веселыми глазами на фоне яркого волжского пейзажа) появились на обложках журналов. Растиражированный буклет с фотографиями его женских портретов и обнаженных красавиц (натурщиц своих он выбирал среди студенток марксовского музыкаль-

ного и медицинского училищ) за символическую плату был разобран и раскуплен на рекламные вкладыши в ресторанные меню и дисконтные карты магазинов женского белья.

Перебираться в Саратов он пока не собирался, считал, что еще рановато, что не дорос, но после каждой выставки или удачно проданной картины начинал чувствовать, что в Марксе ему становится тесно, что рано или поздно ему предстоит сделать выбор – оставаться ли вообще в России или же переезжать за границу, воспользовавшись покровительством какого-нибудь состоятельного иностранного поклонника.

Вика же, став жить с Романом, была просто оглушена своим неожиданно свалившимся на нее счастьем и молила бога о том, чтобы Роман только не разлюбил ее. Она понимала, что не чета ему, талантливому, красивому и подающему большие надежды художнику, и что он живет с ней лишь потому, что она вовремя подвернулась ему под руку, что ему было удобно с ней, спокойно и надежно. Но стоит ему встретить более интересную девушку, богатую духовно, какую-нибудь музыкантшу, к примеру, или филологиню, как он, присмотревшись к Вике, вдруг поймет, что чуть было не связал свою жизнь с девушкой не очень-то и красивой, во-первых, к тому же простой, лишенной творческой жилки, и что единственное, что она хорошо умеет делать, так это готовить тушеную кислую капусту с колбасой да еще прибираться в мастерской.

К тому же она отлично помнила, каким обманным способом вошла в его жизнь, словно совершила с ним сделку, пообещав алиби (которое, кстати, ему и не понадобилось – ту девчонку, оказывается, никто и не насиловал, просто она приняла желаемое за действительное, дура), и каждый раз вспоминая это, ей становилось не по себе – уж больно хотелось ей чистых, искренних отношений, которые строились бы на любви, а не на страхе или желании отблагодарить ее за то же самое алиби...

Старая мельница превратилась для Вики в золотую кофейную мельницу, куда упорный и сильный Роман щедро сыпал горстями свою любовь и ласку, свои драгоценные картины и художнические надежды... Такой, во всяком случае, она увидела свою жизнь в одном из самых чудесных своих «мельничных» снов...

А в начале ноября она поняла, что беременна. События в ее личной жизни нанизывались на дни и часы с удивительной скоростью, аж дух захватывало... Уж теперь-то Роман ни за что ее не бросит, не сможет, не посмеет, даже если разлюбит, если появится в его жизни другая женщина. Он сам говорил, что у него будет много детей... И при мысли, что по устланному толстыми коврами плиточному полу на мельнице будет бегать босоногий толстенький малыш с белыми кудряшками, у нее замирало сердце. А в пронзенной солнечными лучами будущего сиреневой картинке возник силуэт незнакомого ей европейского города с башнями, готическими зданиями, узкими улочками и шпилем собора... Да, они уедут, несомненно уедут, бросят этот пропахший Волгой и рыбой городок, куда-нибудь в Австрию, туда, где живет тот толстяк, который в прошлом году купил у Романа (она сама видела фотографии с выставки) целых пять картин! Он звал его с собой, сказал, что купит ему дом, поможет с выставками, что он понимает, какое будущее ждет Романа, что верит в него...

Вика стояла в коридоре в двух шагах от кабинета гинеколога и предавалась своим мечтам, пока не заметила сидящую неподалеку от нее девушку с заплаканным лицом. Ей так захотелось помочь ей, пусть даже просто сказать доброе слово или дать денег (мало ли?!), что она подошла и спросила, в чем дело. Ярко-рыжая, худенькая, в накинутом на плечи теплом шарфе, девушка сказала с кривой усмешкой, что залетела. И что теперь вообще не знает, куда ей идти. И вдруг зло, сквозь зубы процедила, что она теперь знаменитость, ведь это она и есть та самая дура, которая, собираясь затеять судебный процесс над насильником, сама стала жертвой представителя закона.

– Представляешь, – всхлипнула она, доверительно склонившись к неприлично счастливому лицу Вики, – он, следовательно, прямо на моих глазах порвал мое заявление, сказав, что

меня никто не насиловал, что я сама все это придумала... А забеременела я от кого, спрашивается? От святого духа? Или от того, второго, художника, которого я вообще не знаю и смутно помню?.. Короче, мне надо уезжать отсюда. Делать аборт и уезжать. Мне нельзя больше оставаться в этом городе, где каждый будет указывать на меня пальцем. Вот так-то вот...

Девушка была явно не в себе и нуждалась в помощи. А Вика стояла, пораженная тем, что судьба свела ее с той девчонкой, кажется, ее звали Мариной, благодаря которой она и заполучила себе Романа! Бедолага! Если сначала Вика испытывала к ней, к неизвестной ей музыкантше, чувства отвратительные, злые и готова была сама отправиться к Марине и высказать ей в лицо все, что она думала о ней, не знающей меры в выпивке, распутнице, которая спровоцировала парней на насилие, ведь это по ее вине Роман был так напуган и переживал не лучшие свои дни, то теперь она видела перед собой существо до такой степени несчастное, что невозможно было ее оставить одну, не помочь ей.

– Ты подожди, не спеши... Надо все хорошенько обдумать, понимаешь? Пойдем ко мне, ты мне все расскажешь... Аборт ты всегда успеешь сделать...

– А почему ты мне все это предлагаешь? – Брови Марины взлетели, а в глазах вместе с проблеском разума появилась тень недоверия. – Ты кто вообще?

– погоди... Думаю, что тебе надо нанять адвоката, он сможет доказать, что ты действительно была изнасилована, а с помощью анализа на ДНК будет установлено, что отец твоего ребенка – именно тот самый музыкант...

– Ты, случаем, не мать Тереза?

– Нет, я не мать Тереза. Меня зовут Вика.

Глава 10

Саратов, июль 2005 г.

– Знаешь, я должна возвращаться в Москву. Ты права – нельзя вести себя таким образом, прятать голову в песок... Натан оставил мне в наследство такое поле для деятельности, что Грише одному не справиться... Думаю, что эта история с шубой забудется, как и мой визит. Если бы ты только знала, как ужасно я чувствовала себя в ресторане, когда задавала эти глупые вопросы, словно вела самый настоящий допрос!..

Алла ходила по комнате и говорила, говорила... Женя, сложившись в кресле длинной гуттаперчевой куклой, курила, сосредоточенно глядя в одну точку, пока вдруг не перебила ее:

– Кто о чем, а вшивый о бане... Я же – о Лариске... Возможно, ты не поймешь меня, потому что ты не знаешь ни Лару, ни то, насколько сильно мы одно время ненавидели друг друга. Короче... В нашем театре работал один актер, мы звали его Мики...

– Пожалуйста, Женечка, – Алла вдруг резко остановилась и состроила страдальческую мину. – Уволь меня от рассказов о своих любовниках, я уже и так поняла, что вы не могли поделить мужика, да? Извини, что я так цинично и просто, но у меня нет сил...

– Извиняю, – вздохнула Женя. Перед глазами ее промелькнул короткий, но бурный роман с Мики, молодым человеком с несколько экзотической внешностью (рысьи глаза, патологически маленький нос и пухлые губы), который, бросив Лару и Женю, увлекся одной молоденькой московской киноактрисой и уехал в столицу, даже не попрощавшись со своими провинциальными подружками. – Я только хотела сказать, что мы какое-то время были врагами, но потом, когда Мики уехал, бросив нас, мы как будто помирились, но все равно не настолько, понимаешь, не настолько, чтобы она вот так легко, по первому зову, безо всяких там ломаний и кривляний, согласилась встретиться с тобой, да еще и привести Лизу... Понимаешь, если бы шубу действительно украла Ольга, то есть если бы Лиза вышла из этой истории победительницей, то было бы понятно, что ей ничего не стоит рассказать тебе, как все это случилось, ну, как бы объяснить, что Ольга воровка и это доказано, что воры должны сидеть в тюрьме и все такое... Но прийти, чтобы признаться в том, что она, Лиза, ошиблась, что ею двигали эмоции и что Ольга ни при чем – зачем ей это? Она могла бы отказаться. Лиза же призналась даже в том, что она просила прощения... В какой-то мере унизилась... У Лизы была возможность не соглашаться на эту встречу... Так зачем же она, вернее, они пришли?

– Думаешь, рыльце в пуху? – удивилась Алла. – Думаешь, не было никакой шубы?

– Шуба, может, и была, но украсть ее могла сама Лиза... Хотя зачем ей это, когда у нее столько денег, что она может купить себе несколько таких шуб... Ничего не понимаю.

– Значит, она просто дура, что пришла, – снова остыла к этой теме Алла. – Или просто хорошо воспитана и не могла отказаться.

– Может, им просто было любопытно, кто приехал и зачем... Пришли и пришли... – пожала плечами Женя. – Плюнь и забудь.

– И забуду. И уеду. Не знаю, зачем я вообще приехала. Хотя, знаешь, я вот сейчас с тобой говорю и понимаю, что начинаю медленно возвращаться к нормальной жизни, что правильно реагирую на происходящее... Женя, я уеду, но попозже. Сначала отдохну все-таки у тебя, посмотрю все твои спектакли, познакомлюсь с твоими друзьями...

– Сегодня вечером, кстати, один парень должен прийти, я тебе о нем говорила... Диденко...

– Я вот ждала, ждала, что ты снова скажешь мне об этом, но пойми, сегодня я не готова ни с кем разговаривать... – Алла капризно, даже как-то брезгливо замахала руками. – Ой-ой, не надо следователя, а? Ведь это тот самый следователь, который сказал мне по телефону, что мои подружки разбились шестнадцатого числа...

– Да, это он. Но не могу же я сказать, что моя племянница передумала с ним встречаться, что у нее дурное настроение, что она хандрит...

– Неправда! – устало простонала Алла. – Ну что ты все выдумываешь?! Просто мои вопросы к нему покажутся несерьезными, получится, что мы отвлекли человека от важных дел. Я не хочу, чтобы люди думали, будто мне заняться нечем, будто я такая слабая и глупая, что не могу взять себя в руки, вот и езжу по родственникам, пытаюсь найти себе дело, чтобы отвлечься... Да, это так, но я не собираюсь... Натан! Вот если бы он был жив, я не попала бы в такое положение, не искала бы себе приключений... Женя, мне так плохо...

Вечером пришел Диденко, высокий, опрятно одетый молодой человек. Брюнет с бледным лицом и ярко-синими глазами, он был очень красив, и Алла, украдкой взглянув на свою молодящуюся, раздетую в пух и прах, накрашенную тетку, не смогла скрыть улыбки – понятное дело, Диденко ее любовник, иначе с чего бы это ей водить такие знакомства?

– Сережа, знакомься, это моя племянница, Алла. Алла, это Диденко, вернее, Сережа, Сергей... Вы с ним уже разговаривали по телефону...

Все трое замерли на какое-то время вокруг круглого накрытого стола: Женя с блаженным видом шурила свои глаза, глядя на Диденко, Алла уставилась в селедочницу, полную толстых розовых и жирных кусочков селедки, Диденко же остановил свой взгляд на хрустальном графине с домашним компотом.

– Я так понял, что вы приехали, чтобы навестить могилы свои подруг на кладбище... – неожиданно проговорил Сергей с каким-то очень странным выражением лица.

– Думаю, Аллочка не будет возражать, если вы станете обращаться друг к другу на «ты», – излишне весело прощепетала Женя, как будто даже не обратив внимание на слова Диденко про могилы и кладбище.

– Я не против, – согласилась Алла. – Понимаете...

– Так, все за стол. Сережа, садись вот сюда... Ты, Аллочка, рядышком...

Все расселись за круглым столом, и снова от Диденко повеяло холодком, а выражение его лица приняло еще большую загадочность.

– Сергей, – Алла решила для себя больше не молчать и не позволять Жене командовать за столом. В конечном счете, раз уж пришел этот Диденко, так пусть он все знает – и про их прежние с девчонками отношения, и про письмо, и про то, зачем она приехала сюда... Зачем ей ходить на могилки подружек, они ей ничего не расскажут. – Дело в том, что три года тому назад я получила от Оли письмо... вот, прочти его, пожалуйста...

Она достала из кармана джинсов приготовленное заранее письмо и протянула Диденко.

– Недавно от Жени я узнала, что Оля и Ирина погибли в том же месяце, в июле две тысячи второго года, шестнадцатого, как ты сказал мне по телефону, числа. Письмо же датировано пятым июля... Я подумала, что в их смерти могла быть и моя вина, поскольку я не откликнулась на просьбу о помощи... Но вместо истории о каких-то, к примеру, больших денежных долгах или криминальных разборках я вдруг узнала о нелепом случае в магазине...

И она в двух словах рассказала внимательно слушавшему ее Диденко про встречу с Ларисой и Лизой Вундер.

– Вот и представь себе мое разочарование, с одной стороны, а с другой – облегчение, когда я поняла, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор. Украденная неизвестными шуба, поклеп, угроза суда... Ольга просто испугалась, что у нее не хватит денег на адвоката, который мог бы ее защитить в суде, запаниковала и написала письмо мне... Она же так и пишет там, что не виновата... Получается, что эта история не имеет никакого отношения к их с Ириной смерти. И тот факт, что я никак не отреагировала на Олино письмо, слава богу, никак не отразился на всей этой истории... Оказалось, что Оля ничего не крада, Лиза попросила у нее прощения... Значит, я могу теперь возвращаться в Москву со спокойной совестью. Мои подружки

погибли в результате несчастного случая, ведь так? Мне рассказали, что они ехали на Олиной машине, Оля была за рулем, у них отказали тормоза, и машина, которая катилась с горы...

– Алла, подожди ты со своими подружками... живые должны думать о живых, так ведь, Сережа? Давайте лучше выпьем и закусим, – несколько обиженным тоном произнесла Женя, которой было совершенно неинтересно слушать уже в который раз о шубе и об аварии. – Все же и так ясно. Вот холодная водочка, селедка, ребята, это же классика!

Диденко, все это время не проронивший ни слова, разлил по рюмкам водку и принялся ухаживать за дамами: положил каждой на тарелку и селедки, и салату...

– Скажи, Алла, какого года рождения были твои подружки? Кажется, они были ровесницами?

– Да, они были с 1980 года.

– Назови, пожалуйста, их имена и фамилии... Хорошо бы еще, конечно, отчества...

– Ирина Васильевна Капустина и Ольга Николаевна Воробьева, – удивилась его вопросу Алла. – А почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Итак, – серьезно продолжал говорить Диденко, – Ирина Капустина и Ольга Воробьева погибли три года тому назад, шестнадцатого июля две тысячи второго года, так?

– Так... – Алла перестала есть и теперь смотрела на Диденко, чувствуя, что он собирается сказать ей что-то очень важное. – И что?

– А кто же тогда погиб восемь лет назад, двадцать восьмого ноября тысяча девятьсот девяносто седьмого года?

– Откуда мне знать? – У Аллы волосы на голове зашевелились. – Сережа, ты пугаешь меня...

– Сергей, в чем дело?! – возмутилась Женя, которой весь этот разговор начинал надоедать своей загадочностью и каким-то непонятным предчувствием страха. Она не узнавала Диденко. Или же он собирался разыграть Аллу, или он знает о девчонках что-то такое, о чем Алла и не догадывается. Может, их разыскивал Интерпол?

– Дело в том, что 28 ноября 1997 года на том же месте, между Алексеевкой и Базарным Карабулаком, на крутом спуске лесной дороги погибли Ольга Воробьева и Ирина Капустина, 1980 года рождения. Вот, пожалуйста, я даже принес распечатку...

– Но как же они могли разбиться в 1997 году, если я познакомилась с ними в 1998 году?! Мы два года дружили, работали вместе в «Черном бархате»... – Алла ничего не понимала. – Какая-то путаница.

– Я связался с коллегами из Базарного Карабулака, и они подтвердили, что действительно в 1997 году на этом опасном отрезке дороги погибли две девушки, Ирина Капустина и Ольга Воробьева, 1980 года рождения. И что Ольга Воробьева была за рулем старой «Волги», которую она взяла у брата... Девчонкам было по семнадцать лет, прав у Ольги Воробьевой не имелось, понятное дело. Оля ехала на машине с братом в Базарный Карабулак, но, проезжая через Алексеевку, он решил заехать к родне, а там как раз справляли день рождения какого-то родственника, брат, его звали, кажется, Андрей, выпил и за руль уже не сел. Ольга же, умевшая водить, но не имевшая прав, села за руль и предложила Ирине Капустиной прокатиться с ней вместе, и подружки вдвоем отправились в сторону Карабулака... А между Алексеевкой и Карабулаком существует очень опасный участок лесной дороги, крутой спуск, Воробьева не справилась с управлением, возможно, налетела на кочку, машину повело... Словом, они разбились, врезавшись в сосны... насмерть. Вот такая ужасная история.

– А как же... А кто же в 2002 году погиб?

– Снова Ольга Воробьева и Ирина Капустина, 1980 года рождения. Только на этот раз им было по 22 года, и дело было не в холодном ноябре, а в июле.

– И они разбились там же, между Алексеевкой и Базарным Карабулаком? – Женя и думать забыла, что пригласила Диденко не столько для серьезного разговора с племянницей,

сколько для того, чтобы продемонстрировать Алле своего бывшего любовника, а заодно попытаться возобновить с ним отношения. История с погибшими девушками показалась ей необычной, странной. Она смотрела на выражение лица Аллы – оно бледнело с каждым услышанным ею словом.

– Да, но только на этот раз Ольга Воробьева была за рулем старого «Мерседеса» и у нее имелись права... Но девушки разбились. Это абсолютный факт.

– Дважды, получается? – Алла покачала головой. – Но как же так?

– Значит, шуба действительно ни при чем... – сказала Женя. – У твоих подружек были родственники в Саратове?

– Понятия не имею...

– Ну, кто-то же их хоронил...

– Думаю, ответы на эти вопросы нам может дать лишь один человек... Галина Поздышева – хозяйка «Черного бархата»...

– Слушай, Диденко, и черт тебя дернул связаться с этим делом... Выпили бы, потанцевали, я даже диск с «Авентурой» купила... – Женя попыталась вызвать улыбки на лицах своих гостей, но у нее ничего не получилось.

Алла сидела с задумчивым видом и меланхолично жевала кусочек ржаного хлеба, Диденко же закурил...

Глава 11

Маркс, ноябрь 1997 г.

Все огромное пространство мельницы было разделено на комнаты: спальню, библиотеку, мастерскую, кухню, ванную и холл, на стенах которого висели картины Романа, полы же устилали шерстяные ковры. Мельница отапливалась газовым котлом, трубы вились по всем стенам и сходились в кухне, возле плиты, на которой Вика готовила еду. Марину поселили в библиотеке, поставили ей узкую кровать и небольшой платяной шкаф, который Роман нашел в сарае, а Вика вымыла и привела в порядок.

Встреча Романа с Мариной произошла на редкость спокойно. Роман, увидев ее, замер с кистью в руке и с удивлением посмотрел на Вику, та же, невозмутимая, по-детски не в меру решительная, в ответ произнесла заранее заготовленную фразу:

– Роман, это Марина, ей совсем худо, надо помочь... Пусть она поживет несколько дней у нас, а там видно будет...

– Пусть живет. – Он пожал плечами и вернулся к своей работе. На холсте пламенели теплым оранжевым светом цветы календулы... Он работал на заказ.

В ту ночь Марина отправилась спать рано, Роман же, обескураженный своевольным и абсурдным поступком своей подруги, допрашивал ее шепотом (свет лампы заливал Викино осунувшееся лицо, темные кудри и глубоко запавшие глаза), зачем она привела в дом девушку, из-за которой он чуть не сел в тюрьму. Ведь она понимала, кого встретила, чувствовала, что ему, Роману, это не понравится.

– Рома, она собиралась сделать аборт, она совсем беспомощна, хочет бросить училище, потому что ее все травят, издеваются над ней, мол, она все это придумала из-за денег, чтобы слупить их с Сашки, но ведь это же не так, она мне сама рассказала, что мать Сашкина к ней приходила, деньги предлагала, а она отказалась, сказала, что хочет все до конца довести, что он ее изнасиловал, она точно помнит...

– А что она сказала тебе, когда меня увидела?

– Сначала в шоке была, удивительно, что внешне спокойно отреагировала. Сказала, что чувствует свою вину перед тобой, что ты пришел к Сашке (хотя также она сказала, что это мог быть и не ты), а она уже там была... Еще говорит, что, скорее всего, Сашка дал ей вместо обезболивающего, у нее голова разболелась, фенobarбитал, чтобы она уснула, и что дело не в пиве, она никогда много пива не пила, а вино просто пригубила, попробовала... Она пришла к Сашке музыку послушать, а он ее напоил, усыпил... Конечно, она бросилась к выходу, сказала, что не может оставаться здесь, что вам вообще нельзя встречаться, что так нельзя...

– Вика, но она же права! И она, и я – мы как бы находимся в зависимости от той ситуации, в которую ты нас определила. Но зачем тебе все это? Объясни!

Она села на постели, тряхнула волосами и набрала в грудь побольше воздуха.

– Роман, я беременна...

– Беременна? Вот это да... – Роман приподнялся на локте и внимательно на нее посмотрел. – Но ты же сказала, что предохраняешься...

– Ни одно средство не дает стопроцентной гарантии... – покраснела она, удивившись такой его реакции. – Разве ты не рад?

– Послушай, если я сам просил тебя предохраняться, как ты думаешь, хотел я ребенка или нет?

– Мужчины всегда так говорят, но, когда женщина беременеет, они меняют свое мнение... Милый, это же наш ребенок... Ты же любишь детей, ты мне сам говорил...

Роман, в последнее время все чаще и чаще задумывавшийся о своем переезде в Австрию, разозлился на Вику за то, что она так резко решила спутать все его планы. Его поклонник все чаще и чаще звонил ему, присылал электронные письма, в которых описывал ему все преимущества его переезда. И если поначалу он собирался купить и подарить Роману дом, то потом, изучив независимый характер художника, написал, что деньги на покупку дома он дает ему в долг, произвел определенные расчеты, из которых выходило, что, если Роман будет упорно работать, то деньгами, вырученными от продажи своих работ, он сможет расплатиться с ним меньше, чем за год...

Ребенок. Дети, это, конечно, хорошо, но рано. Вика не такая глупая, чтобы не понимать, что он не готов еще заводить настоящую семью с кучей детей... Он слишком молод, да и средства у него появляются лишь время от времени, у него нет постоянного дохода... И вообще – они живут на мельнице! Пусть и благоустроенной, но все равно, это несерьезное жилье для семейного человека. Зимой невозможно будет пройти к мельнице, пока не вызовешь трактор для расчистки снега...

– Вика, мы с тобой еще поговорим о твоей беременности, но ты мне не ответила на вопрос: зачем ты привела ко мне эту девушку? Чего ты хотела добиться?

– Роман, как ты не понимаешь, следователь порвал ее заявление у нее на глазах, экспертиза показала, что Марину никто не насиловал, а она забеременела, понимаешь? Она стала посмешищем у себя в училище...

– А там-то откуда знают?

– Она живет на квартире вместе с однокурсницами... Город маленький, не только в училище знают, но и во всем Марксе!

– А при чем здесь я?

– Да ни при чем! Это просто случай, понимаешь, что я встретила ее там, возле кабинета гинеколога... Она плакала, и я подумала, что мы с тобой сможем ей помочь, дадим денег на адвоката, который докажет, что ее обманули, докажет, что следователь – взяточник... Сашке придется отвечать за то, что он натворил... Анализ на ДНК...

– Вика, да ты просто с ума сошла! Ты со мной посоветовалась? Какие еще анализы?! Мне не нужна эта девка!..

А через пару дней эта рыженькая хрупкая девушка, лежа на старом, задрапированном голубым бархатом диванчике, уже позировала ему, обнаженная, в библиотеке, а Вика, умирая от ревности, варила им кофе и пекла пирожки. Отвечая на вопросы Романа, зачем она привела на мельницу Марину, она лукавила – в первую очередь ей нужен был зритель, свидетель ее счастья, женщина, которая бы оценила всю полноту ее жизни и завидовала бы ей. Тогда каждый знак внимания Романа был бы для нее вдвое ценен, и жизнь Вики на мельнице, ее женский триумф еще больше возвысил бы ее, скромную «медичку», над высокомерной и развратной, замешанной в нашумевшем на весь город деле об изнасиловании скандалисткой-музыкантшей. К тому же она надеялась на то, что присутствие постороннего человека еще больше сблизит ее, Вику, с Романом и известие о ее беременности вызовет в нем еще больший всплеск любви. Она просчиталась, забыв, как всегда, что Роман – художник и что в Марине он увидит в первую очередь натуру.

Жизнь на мельнице сильно изменилась, теперь там жили две беременные молодые женщины и молодой мужчина, да к тому же еще и художник. Но если Вика каждое утро уходила в училище на занятия, то Марине идти было некуда – она (отверженная обществом – как смешно и нелепо!) оставалась на мельнице, с Романом. Разговор про адвоката, который смог бы доказать ее правоту, состоялся только один раз, решили, что такого адвоката надо искать в Саратове, но на том дело и остановилось. Вика наступила на собственные грабли и теперь не знала, что бы такое придумать, чтобы Марина оставила их с Романом в покое... Сколько раз она при-

ходила из училища раньше обыкновенного с целью застать Романа со своей новой натурщицей врасплох, потому что и сама раньше позировала ему и знала, как легко он, отбросив в сторону кисти, принимался за самую натурщицу, но ей не везло (или везло!) – она заставляла их либо за работой, либо Марина возилась на кухне, а Роман – в своей мастерской...

Сказать, чтобы Роман охладел к ней, было нельзя: они по-прежнему любили друг друга, она спала ночью на его плече и утром просыпалась от его поцелуев... Но рядом жила и дышала еще одна женщина, и Вика знала, что стоит ей сейчас уйти в училище, как они, эти двое, останутся одни, и кто может помешать им вместо того, чтобы расположиться в мастерской или библиотеке, перебраться в спальню?..

Марина же, напротив, чувствовала себя на мельнице прекрасно, она успокоилась, расслабилась, немного располнела и похорошела. И это за неделю! Однажды, вернувшись с занятий, Вика застала Марину в кухне – та готовила курицу и, стоя у плиты, даже напевала! Вика, потрясенная увиденным, спросила себя: может, ей было бы легче все-таки застать Марину в объятиях Романа, и тут же ответила себе – лучше в гробу...

Глава 12

Саратов, июль 2005 г.

Галину Позднышеву она нашла в магазине – она помогала своим продавщицам развешивать новый товар. И несмотря на то, что на двери бутика висела табличка «Закрито», Алла все равно решительно постучала. Наблюдая издали за Галиной, своей бывшей хозяйкой, у которой она в свое время проработала целых два года и с которой рассталась, сохранив добрые приятельские отношения, она отметила для себя, что за три года та несколько не изменилась: стройная фигура, молодое лицо, энергичные движения...

– За-кры-то! – крикнула, не поднимая головы, одна из продавщиц, симпатичная девушка в джинсиках и майке. – Приходите к трем часам, мы откроемся...

– Галя! – позвала Позднышеву Алла.

Та обернулась и медленным, неуверенным шагом подошла к двери. Всмотрелась в лицо элегантной дамы в черном полупрозрачном платье и черных очках и покачала головой: не узнала.

Тогда Алла сняла очки, и Галина порывистым движением, словно увидела перед собой привидение, закрыла ладонью рот.

– Не может быть! – прошептала она. – Алла?!

– Привет, – Алла улыбнулась. – Рада тебя видеть...

– Заходи! – Галина открыла дверь и, схватив Аллу за руку, буквально втянула в прохладный, кондиционированный салон «Черного бархата». – Дай-ка я рассмотрю тебя... ну, просто столичная штучка... Хороша, очень хороша, а какое на тебе платье... Это сейчас модно в Москве – черные прозрачные платья?

– У меня муж умер, я в трауре, – ответила Алла тихо, чтобы ее не услышали две девушки, с любопытством разглядывающие «столичную штучку».

– Муж? Да он же у тебя совсем молодой... Какая беда... Ты к Жене приехала? Ну и правильно... Нельзя оставаться одной. Алла, я глазам своим не верю... А у нас тоже не все в порядке... Знаешь что, пойдём-ка отсюда, здесь поблизости кафе есть...

Она казалась какой-то возбужденной, нервничала, и одновременно на лице ее играла улыбка, как если бы она действительно была рада видеть свою старую знакомую.

Галина легко сбежала с крыльца, и Алла подумала, что и в сорок пять она выглядит прекрасно, ей удалось сохранить фигуру, и что она до сих пор носит обувь на высоком каблуке. Узкие светлые брюки обтягивали ее стройные бедра, глубокое декольте розовой блузки не скрывало пышной груди. Длинные прямые каштановые волосы смотрелись особенно аккуратно из-за строгой, прямо-таки геометрически выверенной челки.

– Тебе кофе? Может, закажем чего-нибудь покрепче?.. Ты ведь уже знаешь, наверное, про Олю и Ирину... Моих девочек... – Ее голос дрогнул, как показалось Алле, от волнения. – Помянем их.

– Помянем... Хотя, когда мне Женя сказала, я подумала, что мне снится дурной сон... Галя, что случилось? И расскажи мне, пожалуйста, что называется, из первых рук эту дурацкую историю с шубой... Но сначала вот, почитай это письмо...

Прочитав, Галина достала сигареты и, как-то устало вытянувшись на неудобном плетеном кресле уличного кафе, вздохнула:

– Знаешь, я очень хорошо понимаю тебя... Это сейчас, когда человека нет в живых, мы жалеем о некоторых своих поступках, мы сами себе кажемся нравственными уродами, просто чудовищами, а тогда, когда все это произошло, я думала, что поступаю правильно... Ты приехала, чтобы выяснить, что случилось с Ольгой в том июле?.. Значит, так. У меня была постоянная клиентка, сестра известной драматической актрисы Ларисы Вундер. Ее зовут Лиза...

– Я знаю, как ее зовут, я даже разговаривала с ней...

– Бог ты мой, зачем? – Галина состроила недовольную мину. – Пришла бы сразу ко мне, я бы все рассказала... Ну и что? Что ты от нее узнала? Что ее, бедняжку, ограбили? Чушь все это, не верю ей, молодой сучке...

– Галя, что произошло три года тому назад?

Галина отвернулась, презрительно сощурилась. Видно было, что ей не очень-то приятно вспоминать события того времени.

– Пришла эта Лиза к нам за юбкой. Юбка дорогая, как сейчас помню... Меня в тот день в магазине не было. Это уже потом мне позвонили домой, вызвали... Лиза эта и звонила, орала в трубку, мол, ее ограбили и все такое... Короче, пока Лиза примеряла юбку, ее норковую шубу, которую она купила в этот же день и которую носила с собой в большом пакете, вместе с сумкой из примерочной кабинки кто-то увел. Вот и вся история. Эта фурия чуть магазин не разнесла... Я понимаю ее, конечно, но почему она решила, что это дело рук Ольги, не ясно... Лиза постоянно твердила, что у Оли было очень странное выражение лица, как будто она украла шубу... Но разве можно только на этом строить свои подозрения? Ирина говорила, что в магазине пара была, мужчина и женщина...

– Да я слышала эту историю и даже то, что Лиза приходила в магазин прощения просить...

– Да, было и такое. Извинялась, но поезд уже ушел... И Ольга в магазине случайно оказалась – она пришла ко мне расчет получить, она уже не работала у меня, как и Ирина. Они обиделись на меня за то, что я им не поверила, что встала на сторону клиентки, и уволились...

– А как случилось, что ты встала на сторону клиентки?

– Это все из-за «Мерседеса», я же знала, что Ольга в долги влезла по самые уши, говорила, что эта машина ей не по зубам, что на ту зарплату, что она у меня получает, она не сможет расплатиться...

– А ты не знаешь, кому она задолжала?

– Одному своему знакомому.

– Кто он такой и сколько Ольга ему задолжала?

– Знаешь, не так уж и много, две тысячи долларов. Но где бы она их взяла, если я платила им от силы четыре-пять тысяч рублей, в зависимости от выручки?! Его зовут Вилли. Во всяком случае, она его так называла. И из разговора Оли с Ириной, я нечаянно подслушала, поняла, что он немолод...

– Он был ее любовником?

– Понятия не имею. Мне вообще казалось, что ни Ольга, ни Ирина не имели постоянных любовников, но я могу и ошибаться. Во всяком случае, от них самих я ничего не слышала, да и по телефону они практически ни с кем не разговаривали.

– Молодые женщины и без мужчин?.. Хотя не в этом дело. Вилли. Получается, что Ольга задолжала ему две тысячи долларов, и, когда у Лизы украли из магазина шубу, ты подумала, что это сделала Ольга, чтобы как-то выкрутиться? Чтобы расплатиться с этим Вилли? Разве ты раньше замечала такое за Ольгой?

– Нет, никогда. Она всегда была очень аккуратна с деньгами, ни с ней, ни с Ириной у меня никогда не возникало подобных проблем, я имею в виду недостачу...

– И все-таки ты ее уволила.

– Сгоряча. Говорю же, я не одобряла ее покупки, она могла бы купить машину и поскромнее...

– А что было потом?

– А потом и я просила у нее прощения. Мы все обидели ее. – Галина прикусила губу. – Нехорошо получилось. Ее же под стражу взяли, продержали в камере... Представляю, каково ей было... Хорошо, что с ней Ирина была... Она оказалась верной подружкой.

– А дальше? Что с ними стало? Они оказались на улице?

– Нет. Я слышала, что они устроились в багетную мастерскую и что им нравится их новая работа. Я было успокоилась, что девчонки пристроены, и тут вдруг узнаю, что они разбились на том самом «Мерседесе»... У меня просто шок был. Обе, насмерть... За грибами поехали. – Галина смахнула слезу со щеки. – Словно этот «Мерседес» нарочно был куплен для того, чтобы их убить... Из-за него я на Ольгу окрысилась, из-за него она попала под подозрение... И он же их и убил...

– А кто их хоронил? Что-то я не помню, чтобы у них в Саратове кто-то был из родственников.

– Знаешь, а ведь я была на их похоронах. Мне одна наша общая знакомая, клиентка, позвонила и сказала, где и когда состоятся похороны. Их новая хозяйка хоронила. Обед номинальный в кафе заказала. Я видела ее, хорошая такая женщина, настоящая, понимаешь? Не помню ее имени... У нее салон на проспекте Кирова возле кафе-мороженого. Если хочешь, можешь у нее спросить про девочек, наверняка она знает подробности, а мне они ни к чему... А что касается письма, то успокойся, ты бы ей все равно не понадобилась – ее же отпустили...

– Скажи, Галя, они продолжали снимать ту же квартиру, там, на Чапаева?

– Да... Хотя не уверена, мне кто-то сказал, что они переехали в квартиру поскромнее, подешевле... И это тоже из-за той проклятой машины... Но ты же знаешь, где они жили, поезжай, может, соседи что и расскажут... Уф, ну и жути ты на меня нагнала. У меня сегодня и так тяжелый день, контейнер из Италии пришел... В три часа мы должны открываться...

– Извини, что оторвала тебя от дел... Несмотря ни на что, Галя, мне было так приятно тебя увидеть. Правда.

– Ты не думай, что я уж такая черствая, я венок дорогой для них заказала, – вдруг вспомнила она, гася сигарету в керамической пепельнице. Горячий сухой ветер трепал ее длинные волосы. Алла, глядя на нее, представила себе кладбище, кучку людей, в основном продавщиц из соседних с «Черным бархатом» магазинов – рыбного, посудного... И среди них закутанная во все черное эффектная, как актриса, Галя Позднышева.

– Их похоронили вместе, в одной могиле?

– Да, – рассеянно произнесла Галина, мысленно уже вернувшись в свой магазин. – Очень удачное место – первый ряд от часовни, третья могила...

Глава 13

Маркс, ноябрь 1997 г.

Его звали Эрик Раттнер. Это был симпатичный толстенький и очень аккуратный австриец, неудавшийся художник и просто веселый человек, мизантроп, который, раз и навсегда влюбившись в полотна Романа Гончарова, решил переманить его в Вену, поселить в снятом для него доме поблизости от его собственного и создать для него все условия для творчества. И за все те блага, которыми он хотел окружить Романа, он попросил бы лишь одно – дать ему возможность иногда присутствовать в мастерской, когда тот будет работать. Он хотел стать другом Роману, прикоснуться к его жизни и понять, отчего этот русский умеет так мастерски работать кистью, а он, Эрик, не способен создать даже копию гончаровской работы. Эрик был богат, его семья владела двумя крупными фарфоровыми заводами, но деньги уже давно перестали доставлять ему удовольствие – ему хотелось владеть русским художником, несколько полотен которого уже украшали его венскую гостиную. Вялая переписка, которую они вели с Романом, могла бы ничем не закончиться, если бы Эрик не приехал в Россию, в Маркс, и не встретился с матерью Романа, понимающей женщиной, которую он планировал также забрать с собой в Вену, чтобы та прислуживала своему обожаемому сыну и не чувствовала себя брошенной, не рвала сердце сына душещипательными письмами с родины.

Это был самый настоящий стговор. Роман даже не знал о приезде Эрика. Мать встретила его в Саратове в аэропорту, где они взяли такси и помчались в Маркс, находящийся в семидесяти километрах от областного центра. Эрик говорил по-русски с сильным акцентом, но женщина отлично понимала его.

– Это очень хорошо, что вы приехали, мой сын попал под влияние женщин... Вы же видели его мастерскую на мельнице, так вот, он превратил ее уже в настоящий дом, права на который мы с вашей помощью выкупили, но все равно... зачем ему такой дом? Где дом, там и женщина. Сначала он жил с одной весьма странной особой, плутовкой, я это точно знаю, у нее просто-таки дьявольская внешность: черные кудрявые волосы, яркие черты лица, я видела ее портрет... Она как посмотрит – как сердце пронзит. Она влюбила его в себя, появилась в его жизни в самый неудачный для него момент, когда он оказался косвенным образом замешан в очень некрасивую историю... Думаю, он стал с ней жить из чувства благодарности...

Машина летела по новому мосту, под которым разливалась голубая Волга, в раскрытое окно врывался речной воздух; вокруг в утреннем тумане клубились пышные бледно-зеленые ивы, на разбросанных на огромном речном пространстве по обеим сторонам моста островках тонула в росе густая трава... Эрик был потрясен открывшимся ему видом, он и госпожу Гончарову-то слушал вполуха, ему виделась совершенно другая картина: Роман в черном элегантном костюме открывает свою выставку в Музее истории искусств в Вене, на стенах зала развешаны его свежие, лоснящиеся краской и лаком волжские пейзажи...

– ...живет с двумя беременными девушками, хотя какие они девушки, женщины, телки молодые, и еще неизвестно, от кого они беременные. Ох, Эрик, если бы вы только видели его! Мне думается, что он уже тяготится этими особами, они опекают его обе, кормят как на убой, каждая старается приручить его, заставить признать ребенка, ему так трудно, так трудно... Это хорошо, что вы приехали именно сейчас, пока он еще не определился с выбором... А если он женится, то куда он с женой и ребенком за границу? Это так сложно и вообще преждевременно...

Она говорила монотонно, то и дело вздыхая, ее розовый тесный костюм, казалось, мешал ей дышать. Эрик отметил про себя, что Роман удивительным образом походит на свою мать – блондинка с задумчивыми глазами, худенькая, стройная. Кто знает, может, в Вене она встретит

мужчину и выйдет за него замуж, это было бы вообще отлично, она бы устроила свою личную жизнь, и Россия осталась бы в прошлом... Хотя такая чудесная женщина пригласилась бы и ему самому...

– Он может мне ничего не говорить, но я же не слепая, вижу, как он страдает, он наверняка познакомился с ними, когда приглашал позировать, но разве это повод для женитьбы? Да у него таких девок еще сколько будет?! Ох, Эрик, как же хорошо, что вы приехали!

Мать сама устроила эту неожиданную для Романа встречу, позвонив сыну и попросив его приехать домой, в город, и сказав, что это очень важно. С одной стороны, она хотела, чтобы приезд Романа явился приятным сюрпризом для австрийца, с другой – она хотела, чтобы Эрик увидел Романа неподготовленного, еще не остывшего от объятий своих беременных сожительниц. Ей хотелось, чтобы Роман пережил шок, чтобы, увидев Эрика, вдруг все понял и решил для себя, что жить так, как он живет, – непростительная глупость, слабость, идиотизм, что впереди его ждет совершенно другая, наполненная искусством и почитанием жизнь...

Раздался звонок. Эрик, сидевший в гостиной за круглым столом и похрустывающий домашним печеньем, бросил взгляд на чрезмерно взволнованную Гончарову. Та встала со своего стула, на котором сидела неподвижно вот уже полчаса в ожидании прихода сына, и, одернув пиджачок теперь уже белого костюма, украшенного золотой старинной булавкой, доставшейся ей в наследство от матери (всю жизнь нигде не работавшей, поскольку ее муж до конца своих дней был директором маслозавода), не спеша, сдерживаясь, чтобы не броситься со всех ног в переднюю, пошла открывать.

– Сынок, – сказала она, увидев его и потянувшись к нему, чтобы обнять, прижать к своей груди. Но вдруг сердце ее похолодело. Она отпрянула от сына, словно увидела за его спиной взвившуюся до потолка змею.

– Мама, познакомься, это Наташа.

В переднюю вошла, покачиваясь на высоких каблуках, эффектная стриженная блондинка с непроницаемым, как у куклы, ярко раскрашенным лицом.

– Салют, – сказала девица, протягивая Гончаровой белую холодную руку. – Как дела?

Глава 14

Саратов, июль 2005 г.

– Я думаю, она время от времени навещает их могилу, – говорила вечером Жене Алла, вспоминая свою встречу с Позднышевой. – Так запомнить расположение могилы... Чует, что зря обидела человека, что из-за какой-то там клиентки потеряла дружбу и доверие Ольги, а заодно и верной ее подруги – Ирины. Знаешь, вот говорю сейчас о них и до сих пор не верится, что их нет в живых.

Женя, молча жарившая котлеты у плиты, кивком согласилась с ней. У нее из головы не выходил Диденко, звонивший ей днем и обещавший и сегодня заглянуть к ним на ужин. Что это он так зачастил к ней – из-за Аллы, красивой молодой вдовушки, или же его всерьез заинтересовало дело двух ее подружек?

– Знаешь, Сергей сегодня звонил, обещал прийти, – сказала она равнодушным тоном, за которым скрывалась маленькая ликующая радость. Ей нравился этот молодой человек, но она знала, что он ходил или будет снова заходить к ней теперь уже исключительно по делу и что их любовная связь, разорванная еще полгода тому назад, вряд ли возобновится, и злилась на него, да и на себя из-за этого.

– Я знаю, он звонил мне, – удивила ее Алла. – Я ему рассказала про Вилли, того человека, который одолжил Ольге деньги на покупку машины, а он сказал мне, что выяснил адреса родителей тех, *первых* Воробьевой и Капустиной.

Вот как?! Они уже и перезваниваются!

– И ты пойдешь к ним?

– Конечно, пойду. Ты же сама теперь знаешь, что дело тут нечисто. Я просто уверена, что моих девчонок убили. Скорее всего, какой-нибудь маньяк...

– ... убивающий всех Воробьевых и Капустиных, рожденных в восьмидесятом году?

– Женя, не понимаю, что тебя так веселит? Ты ревнуешь меня к Диденко? Напрасно. У меня и в мыслях нет...

– Понимаешь, племянница, видимо, у меня возраст такой – критический, все мне кажется, что я старше всех... Ничего с собой поделать не могу.

– Женя, но если твоя болезнь, именуемая ревностью, так сильно запущена, может, я тогда переберусь в гостиницу? Сама знаешь, мне это ничего не стоит... Но пойми, если Диденко будет навещать меня и там, то ты уже ничего поделать не сможешь. И дело не в Диденко, а в твоём отношении к нему, к нам... Успокойся. Помимо любовных отношений, поверь, существуют и просто деловые. У нас с ним общее дело. Тебе оно неинтересно, потому что погибли не твои, а мои подруги. Так что решай, уходить мне в гостиницу или нет...

– Алла, ну что ты такое говоришь... – Женя покраснела, со стыдом признаваясь себе в том, что в последнее время даже не старалась сдерживаться, постоянно демонстрируя племяннице свою незаинтересованность этим делом. – Извини меня... Кажется, я перегнула палку...

– Ты хотя бы понимаешь, что вообще произошло? Две пары подруг с одинаковыми именами и фамилиями, одного и того же года рождения погибли на машине в одном и том же месте, между Алексеевкой и Базарным Карабулаком. Что это – дичайшее совпадение или же чудовищная закономерность, придуманная нездоровой психикой какого-то убийцы?

– Может, у них в прокуратуре компьютер глючит, а ты панику устроила. Ты правильно решила – действительно, надо бы тебе встретиться с родителями тех, первых девчонок, спросить, что да как, посмотреть их фотографии, может, это совсем другие люди...

– Вот! О фотографиях я и думаю. Постоянно. Представляешь, у меня нет с собой ни одной общей с ними фотографии. Не знаю, как так получилось. Когда я уезжала, то все свои

вещи перебрала, многие выбросила, а бумаги ненужные сожгла... Но не помню, чтобы среди них были фотографии Оли и Ирины.

В квартире, где прежде жила Алла, уже пять лет как жили квартиранты, и Женя на правах единственной родственницы, которой Алла доверяла, как самой себе, брала с них каждый месяц плату и переводила на банковский счет племянницы. Сумма накопилась немалая, но богатенькая вдовушка, занятая своими, не стоившими и выеденного яйца, как считала Женя, проблемами, даже не поинтересовалась этим вопросом. И только теперь, когда всплыла тема фотографий, Алла вспомнила, что в квартире оставила запертым один ящик письменного стола, в котором, возможно, и сохранились какие-то фотографии и старые бумаги, такие, как библиотечный формуляр, давнишняя сберегательная книжка, телефонные счета...

– Надо позвонить, предупредить квартирантов о своем приходе и порыться в этом ящике, – проговорила Алла, с горечью замечая в своей тетке произошедшие с ней перемены: совсем она сбрендила, ревнует к следователю, и с какой это стати? – Женя, что-то не так?

Женя, накрыв блюдо с жареными котлетами тарелкой, села за стол, плеснула себе минеральной воды и достала сигареты:

– Черт, так стареть не хочется... Понимаю, что ты здесь ни при чем и что про Диденко я сама себе все придумываю, но смотрю на тебя и понимаю, что старею в то время, как ты наливаешься соками, что хорошеешь день ото дня, скоро и Натан забудется, а в твоей жизни появятся новые мужчины или же один мужчина, которого ты полюбишь, быть может, еще больше, чем своего покойного мужа, и он тоже будет тебя любить... Ты прости меня, Алла. У меня работа нервная, я в последнее время каких-то гримз играю или старых шлюх...

Пришел Диденко и положил на стол листок с адресами Капустиных и Воробьевых.

– Если хочешь, я пойду с тобой, – предложил он Алле. – Вот только котлетку съем.

– А можно я с вами? – попросилась Женя. – У меня сегодня свободный вечер, ни спектакля, ни репетиции...

– Можно-то можно, да только разговаривать с людьми все равно должен кто-то один. У людей дети погибли, это не шутки...

– Тогда положи котлетку на место, – обиделась она. – Это я вас познакомила, это я...

– А тебе тоже дело найдется. Было бы неплохо отправиться на встречу с неким Вилли, тем человеком, которому Ольга задолжала две тысячи долларов.

– Ты и его адрес узнал?

– Узнал. Совершенно случайно.

– Тогда пойду лучше к Вилли, я все-таки актриса, постараюсь обойтись без официальной щины, может, мне повезет и я узнаю, что это за фрукт... Заодно и развлекусь немного...

Женя, хоть и старалась говорить убедительно, но у нее все равно ничего не получилось, видимо, не такая уж она и хорошая артистка. Но это ее жизнь, ее ревность, ее проблемы, и то, как она вела себя в последнее время, навело Аллу на мысль, что все эти годы Женя только играла роль душевной и искренней тетки, хотя на самом деле ее сжигала элементарная зависть стареющей и бедной актрисы к своей везучей, богатой и молодой племяннице. И даже смерть Натана не произвела на нее впечатления – подумаешь, одним евреем меньше... Надо съезжать, и поскорее... Лучше жить в гостинице, чем в этом мрачноватом театре, именуемом теткиной квартирой. Бог с ней...

Алла даже ужинать отказалась – обиделась. Сергей, ничего не подозревая, съел пару котлет, выпил безалкогольного пива, и они все втроем вышли из квартиры. Женя отправилась к Вилли. Алла с Диденко на его машине сначала поехали в Волжский район, проведать ее собственную квартиру, чтобы попытаться найти там фото Ольги и Ирины, а уж потом с фотографиями поехать к Воробьевым.

Женя была права, когда предполагала, что вопрос жильцов и арендной платы Аллу занимал постольку поскольку. Она реально задумалась об этом, лишь когда вошла в дом, поднялась на свой этаж и позвонила. Диденко стоял рядом.

– Эти люди даже не знают, кто я, потому что квартирными делами занималась Женя и имела за просмотр свои десять процентов каждый месяц. А остальные вносила на мой банковский счет... Знаешь, не так-то просто осознавать, что в твоей квартире кто-то живет... Ну да ладно.

Открылась дверь, и они увидели растрепанную женщину в халате и с недовольным лицом, в руке она держала сигарету.

– Вам кого? – спросила она, нахмурившись.

– Я – хозяйка этой квартиры, меня зовут Алла Дворкина, я поручала своей тете Евгении присматривать за квартирой и сдавать ее...

– А... понятно. Решили проверить, в каком состоянии находится квартира? Извольте! Но должна предупредить, что по вашей милости мы в прошлом месяце чуть не сгорели...

– В смысле?

– Загорелась электрическая проводка...

Она говорила еще что-то, но Алла слушала ее вполуха, ее интересовал письменный стол.

– Вы извините, но если вас не устраивает моя квартира, вы можете подыскать себе другую, тем более что и вы мне не очень-то нравитесь... Обои оторвались в углах, вы даже не подклеили, а туалет? Вы когда в последний раз чистили его? Я не говорю о ванне...

– Обычный естественный беспорядок, мы же здесь живем, а не в музей пришли...

Так, тихонько переругиваясь и осматривая квартиру, они вошли в спальню, где по некогда розовому, а теперь коричневому ковру было раскидано женское, не первой свежести белье. Постель вообще была разворочена, простыни свисали до полу, на подушке темнела вмятина от чьей-то не совсем чистой головы... На столике, на слое пыли, в синей вазе – букет высохших роз...

– А где же письменный стол?

– Какой письменный стол? – удивилась женщина.

– Здесь, возле окна, стоял мой письменный стол. Куда вы его дели? Кто вам позволил что-то переставлять тут? Это что, ваша квартира?

– Постойте... Так вы же мимо него прошли, он в коридоре стоит, на нем еще полка с книгами...

Алла снова вернулась в прихожую, нашла в углу старый письменный стол и, опустившись перед ним на колени, пошарила рукой по дну... Она нащупала маленький ключ, достала, вытерла с него пыль и открыла им ящик.

– Вы не трогали здесь ничего? – спросила Алла строгим голосом у квартирантки.

– Да нет вроде, нет...

Алла выдвинула ящик и увидела залитые чернилами бумаги. И дно ящика было тоже все в фиолетовых чернилах.

– Что это? – спросила она, с трудом сдерживая ярость, ей хотелось встать и залепить этой неприбранной, неприятной женщине оплеуху. За все – за наплевательское отношение к квартире, которую она превратила в помойку, за самовольство, за ложь и эти чернила, залившие ее документы и, конечно же, фотографии...

Вот они, слипшиеся снимки, на которых и она сама, Алла, еще до замужества, высокая худенькая девушка с фиолетовым лицом, и ее девчонки – Оля и Ира... Стоят на крыльце магазина «Черный бархат», улыбаются, не подозревая, какая страшная судьба уготована Оле с Ириной... Улыбаются, потому что им в этот день было хорошо всем вместе, они получили зарплату и хотели отправиться за город... Точно. Они собирались в Затон, чтобы оттуда на лодке

доплыть до Зеленого острова, до пляжа... Снимков оказалось довольно много, но некоторые из них были испорчены безвозвратно.

– Это не я, это, наверное, мой муж или сын... Я не знала, что они открывали ящик, да и чернила... Откуда они, понятия не имею! Вы уж извините... Как жалко, и фотографии испортили, ну надо же?!

– Вот, – Алла показала Сергею несколько запачканных снимков. – Разглядеть все-таки можно, ведь так? Хотя, конечно, лучше бы их увеличить...

– Без проблем, – сказал серьезный Диденко, вглядываясь в фотографии погибших девушек. – Увеличим. Ну что, все? Уходим?

– Все, – Алла метнула на квартирантку, имени которой даже не хотела знать, испепеляющий взгляд. – Интересно, как вы бы вели себя, окажись на моем месте... Понимаю, что квартира не ваша, но вы же люди, не свиньи...

Она покинула свою квартиру в дурном расположении духа и долго, пока они с Диденко ехали в машине, молчала, стыдясь и квартиры, и неопрятной квартирантки, и своей реакции. Ей меньше всего хотелось, чтобы этот симпатичный следователь увидел ее в таком раздраженном состоянии.

Глава 15

Саратов, июль 2005 г.

Им открыли совершенно незнакомые Алле люди – мужчина и женщина. Еще молодые, немного за сорок. Увидев удостоверение следователя прокуратуры, женщина побледнела.

– Коля, к нам пришли из прокуратуры... Проходите, пожалуйста...

Черноволосая красивая женщина в полосатом, красно-синем домашнем платье с озабоченным видом пригласила нежданных гостей войти. В комнате было чисто, уютно, работал телевизор, в кресле лежало вязанье. На столе стояли чайные чашки и вазочка с конфетами. Николай, судя по всему муж брюнетки, в широких домашних брюках и с голым смуглым торсом, предложил чаю. Люди были растеряны, но не настолько, чтобы испугаться.

– Моя фамилия Диденко, зовут меня Сергей Борисович, я следователь прокуратуры, – представился Сергей. – Объясню сразу. Это неофициальный визит. Но для начала я расскажу вам, по какой мы здесь причине. У вас была дочь, Ольга Воробьева, так?

– Так, – прошептала женщина.

– Вас зовут Тамара Григорьевна?

– Да, а моего мужа – Николай Александрович. И что же вы хотите у нас узнать?

– Вы можете назвать дату рождения вашей покойной дочери Ольги?

– Четырнадцатое февраля 1980 года, – прокашлявшись, подал голос Николай Воробьев. – Оля погибла восемь лет тому назад. Знаете, трудно себе представить, чем вызван ваш приход, честное слово... – Он заметно нервничал.

– Вы не можете рассказать, как, когда и при каких обстоятельствах погибла Оля, и, если возможно, расскажите и о ее подруге, Ирине Капустиной...

– 28 ноября 1997 года они с моим племянником Андреем поехали в Базарный Карабулак на машине. По дороге заехали к родственникам в Алексеевку, где справляли день рождения дяди Пети, одного нашего дальнего родственника... Андрей – любитель выпить... Словом, он выпил и за руль не сел, а девочки... Оля... Она умела водить машину, Андрей ее и научил... Так вот, она сказала Ирине, что они и сами доберутся до Базарного Карабулака...

– У вас и там родственники?

– Да, и в Хватовке тоже... Мы все родом с тех мест... Думаю, что Оля просто решила продемонстрировать подруге Ирине Капустиной, как она водит машину...

– Продемонстрировала? – сухо спросил Диденко.

– Да. Они сели, Оля, по словам тех, кто ее видел в последний раз, очень ловко выехала со двора, нигде ничего не задела, и машина поехала... А потом нам сказали, что они почти сразу же и разбились... Летели на большой скорости под гору, Оля не справилась с управлением, и машина слетела с дороги, врезалась в сосну... Вы пришли от имени Капустиных? Ведь получается, что это Оля убила Ирочку... Они снова хотят предъявить иск?

– Нет, мы не от Капустиных. А что было потом?

Тамара Григорьевна с недоумением взглянула на мужа.

– Я не поняла, что именно вас интересует?

– У вас забрали документы вашей дочери?

– Мы, знаете ли, законопослушные люди, Сергей...

– ...Борисович, – подсказал Диденко. – Понимаете, в чем дело... Ваша дочь и ее подруга разбились восемь лет назад, ведь так? А три года тому назад на этом же месте разбились еще две девушки и тоже 1980 года рождения, и, что самое удивительное и непостижимое, их звали Ольга Николаевна Воробьева и Ирина Васильевна Капустина. Вот, взгляните на фотографии этих девушек... Вы никогда не встречали их?

Диденко положил на стол заляпанные чернилами фотографии погибших девушек.

Воробьевы долго и внимательно рассматривали снимки, передавая из рук в руки.

– Нет, мы не знаем этих девушек... Но неужели возможно такое совпадение? – всплеснула руками немного успокоенная тем, что к ним пришли не с иском от Капустиных, Тамара Григорьевна. – И на том же самом месте?

– Да, между Алексеевкой и Базарным Карабулаком. Только машина была «Мерседес», а не «Волга», как в вашем случае, но врезалась она тоже в сосну... девушки погибли на месте. Я рассказал вам это, чтобы объяснить причину нашего визита... А эта девушка, ее зовут Алла, подруга тех двоих, Воробьевой и Капустиной, что погибли три года тому назад. Она приехала в Саратов, чтобы разобраться в этом деле. Значит, говорите, на фотографиях не ваша дочь с Ириной, так?

– Безусловно, это не они, это совершенно другие девушки. Но то, что вы нам рассказали, – удивительно... – В тоне Тамары Григорьевны теперь уже звучала нотка сочувствия, как если бы она на миг забыла, что и ее дочь погибла восемь лет назад. – Вы спросили нас о паспорте, о документах... У нас нет паспорта Оленьки. Даже аттестата нет, потому что она не закончила школу... Она была слишком молода, чтобы умереть...

– Спасибо, что помогли нам, и извините, что побеспокоили вас...

– Если что, звоните, заходите, мы вам с удовольствием поможем, – неожиданно предложил Воробьев. – История и впрямь интересная. И знаете, что первое приходит в голову? Что кто-то, какой-нибудь сумасшедший, к примеру, специально свел вместе однофамилиц и посадил в машину, чтобы они погибли... Чтобы повторилась история, произошедшая с нашими детьми... уж не Капустины ли это? Понимаете, они никак не могут смириться со смертью своей дочери. Они считают, что это мы, вернее, наша дочь убила Ирину, и замучили нас уже своими исками... Но суд пока что на нашей стороне. Невозможно доказать, что было на самом деле там, между Алексеевкой и Базарным Карабулаком...

– У вас есть какие-то подозрения?

– Да уж слишком странно выглядела эта история... Ну подумайте сами, зачем было Оле садиться за руль машины и ехать в Базарный Карабулак. Какая спешка? Ну, подождали бы до утра, переночевали бы у родственников, а утром Андрей протрезвел бы и отвез их туда...

– А что за родственники у вас в Базарном?

– Моя сестра, она живет там с дочерью, и Оля с детства любила гостить у них... У Любы свое хозяйство, там простор, воля, девчонки были предоставлены себе, не то что в городе... Маша тоже к нам приезжала... Вы не представляете, как девочка пережила смерть Оли...

– Получается, что это несчастный случай, – подвел итог Диденко. – И никто бы не вспомнил его, за исключением, конечно, этих Капустиных с их исками (хотя какие иски, когда прошло столько лет?!), если бы не смерть других девушек...

Он повернулся вдруг к Алле, рассеянно глядящей в окно, словно до него только что дошло, что и ее подруг звали точно так же:

– Ты точно знаешь, что их звали именно так и что они были с восьмидесятого года?

– Им было по двадцать два года, и звали их Ольга Николаевна Воробьева и Ирина Васильевна Капустина... – повторила она, вслушиваясь в свой голос, словно он мог солгать.

– Если вы собираетесь навестить Капустиных только для того, чтобы убедиться в том, что они никогда не видели этих девушек, фотографии которых вы нам показали, – произнес трагическим голосом Воробьев, – то, конечно, идите, но вообще-то их лучше не беспокоить. Вы причините им лишь боль. И ваша история о погибших девушках-однофамилицах не произведет на них должного впечатления, их интересует исключительно месть, и направлена она против нас, против родителей той, кто погубил их дочь...

– И в чем выражается их месть? Что они предпринимали, помимо исков?

– Рита Капустина напивалась и звонила мне среди ночи, – оживилась Тамара Григорьевна, – называла мою дочь убийцей... Это было тяжелое время, можете мне поверить. Что

касается Василия, то у него своих мозгов и чувств нет, он всецело принадлежит своей жене и повторяет все ее слова, он – бесхребетное существо, его даже жаль...

– Вы стали врагами? – прямо спросил Диденко.

– Это проходит, знаете ли, – отмахнулся Воробьев и отвернулся, как если бы слово «враги» жужжало у него перед носом.

– Мы вам оставим одну фотографию, вдруг вы что-нибудь вспомните. – Диденко собрал со стола фотографии, а одну поставил, прислонив к вазочке с конфетами. – Мало ли...

Воробьевы еще раз предложили выпить чаю, но Диденко с Аллой поблагодарили их и ушли: было поздно, но они все равно решили навестить Капустиных...

Глава 16

Маркс, ноябрь 1997 г.

Без Романа мельница казалась пустой, холодной, безжизненной. И только один костер полыхал и разгорался все ярче и ярче – это была жгучая ревность, которую испытывали две сблизившиеся женщины к третьей, завладевшей с легкостью бабочки Романом и теперь собиравшейся с ним в Австрию. Длинноногая блондинка с хорошими манерами, талантливая пианистка, Наталья произвела, по всей видимости, на Эрика Раттнера благоприятное впечатление. Приблизительно с неделю они вчетвером – Роман, его мать, Наталья Метлина и Эрик Раттнер – обсуждали детали выезда за границу, звонили в немецкое посольство в Москве, задавали вопросы, консультировались у вице-консула, каким образом Роман и его невеста могут выехать в Австрию и что для этого нужно, а в это время на мельнице в гробовой тишине рушились планы и мечты двух беременных женщин – Вики и Марины.

– Эта сучка околдовала его, – говорила Вика, кутаясь в теплую шаль и прихлебывая кипяченое молоко. Марина сидела напротив нее за кухонным столом и катала по столу хлебные шарики. – Пока мы с тобой здесь пухнем, толстеем, мечтаю приручить Романа и сделать его отцом наших детей, мы даже породнились с тобой, как жены мусульманина, вынужденные терпеть друг друга рядом, эта Метлина, эта шлюха, любовница Сашки, изнасиловавшего тебя и выставившего посмешищем перед твоими однокурсницами, покупает себе в дорогу гигиенические прокладки и в свободное время почитывает историю искусств... Вот сучка! Пудрит мозги этому австрияку, строит глазки... Вот увидишь, как только они приедут в Вену, она и с ним тоже ляжет в постель... Ненавижу...

Зима подвалила неожиданно, замела крыльцо, выстудила огромные комнаты, снег залепил окна, и только в кухне и маленькой спальне, где Вика с Мариной спали на одной широкой кровати, кутаясь в толстое, из овечьей шерсти, одеяло, было еще тепло. Роман исчез. Он не появлялся, не приносил денег. Он забыл о них, бросил на произвол судьбы, обрек на голодную смерть... Не вспоминал и про свою любимую некогда мельницу – теперь, если судить по его коротким телефонным звонкам, она доставляла ему только тяжелые воспоминания о несвободе, о том, какими лживыми и хитрыми могут быть женщины...

Девушки доедали последние мясные консервы, сухари, концентраты, макароны быстрого приготовления, бульонные кубики...

– Роман, у нас кончились деньги, – говорила в трубку Вика, захлебываясь от слез. – Как ты мог так поступить со мной, с нами? Я понимаю, ты художник, у тебя впереди интересная жизнь, ты уезжаешь за границу, но ты не можешь вот так просто бросить нас...

– Вика, я понимаю еще тебя, ты все-таки носишь под сердцем нашего ребенка, и я приду в среду, оставлю тебе немного денег, чтобы ты продержалась до лета, но при чем здесь Марина? Я никогда не был с ней в близких отношениях, она для меня – никто, просто натурщица, и я ей ничего не обещал. Привести ее на мельницу и разрешить ей жить там – это твоя идея, и это твои проблемы, что ты подружилась с ней.

– Ты только что признал, что ребенок твой, тогда почему же ты уезжаешь не со мной, со своей женой, а с какой-то проституткой, любовницей Сашки, этого скота, который изнасиловал Марину?

– Ты никогда не была моей женой. Да, я увлекся тобой, это так, какое-то время нам было хорошо вместе, но потом я понял, что совершил ошибку, поселив тебя на мельнице... Я люблю тебя, у меня другая женщина, и она поедет со мной... Мне жаль, что ты не сделала аборт... Или, может, еще не поздно? Ты мне только скажи, я дам тебе денег... В конце концов, Вика, это пошло, все эти разговоры о ребенке, это так скучно... Значит, надо было предо-

храняться. Почему из-за твоей безалаберности, из-за твоего продуманного желания не пить противозачаточных таблеток я должен на тебе жениться и поставить на своем творчестве, на своем будущем крест? Мы так не договаривались. И если ты меня действительно любишь, как говоришь, то прошу тебя – оставь меня в покое и скажи этой своей подруге, этой юродивой, Марине, что мельница была ее временным пристанищем и что всему есть предел... А ты возвращайся к себе на квартиру, которую снимала... Деньгами я тебе помогу... Ладно, приду к тебе завтра. Но только пусть этой беременной шлюхи не будет, договорились? Не осложняй нашу встречу... И давай договоримся, я даю тебе деньги, и ты уезжаешь. Ты собирайся и жди меня, я приеду, дам тебе денег и провожу тебя до твоей квартиры, а сам вернусь, у меня дела на мельнице – мне надо проверить, в порядке ли отопление, газовая колонка, вода, слив, ванная комната, словом, привести все в порядок, потому что там после моего, вернее, нашего с Наташей отъезда, будет жить моя мама... Договорились?

...Тело, завернутое в белую, истлевшую простыню, нашли только весной на берегу Графского озера. По длинным светлым волосам и некоторым другим характерным и записанным в поисковых документах признакам, сообщенным местным органам милиции обезумевшей от горя матерью, было доказано, что это труп пропавшего в конце ноября 1997 года марковского художника Романа Гончарова, 1972 года рождения. Экспертиза установила, что Гончарова отравили крысиным ядом и что перед тем, как погнубить, он был связан: на его руках и ногах обнаружили остатки бельевой веревки. На грудь его была прилеплена скотчем художественная кисть с остатками зеленой масляной краски...

Глава 17

Саратов, июль 2005 г.

Женя недолго думала о причине своего визита к Вилли – театру понадобились старинные канделябры, и человек, просивший не называть своего имени, посоветовал обратиться к Вилли. Байка, рассказанная поздним вечером, может даже и не остаться в памяти, зато у Жени будет возможность хотя бы просто побеседовать с этим Вилли.

Дверь он открыл не сразу, долго расспрашивал, кто она да от кого. Видимо, его квартира была набита старинными подсвечниками, фарфором и серебром, и вот так открывать двери неизвестному человеку он, осторожный и напуганный уже тем, что он по определению антиквар, просто не мог.

– Меня зовут Евгения, фамилия Оськина, – кривлялась она перед глазком, разве что язык не показывала этому антиквару. – Я пришла по рекомендации одного вашего знакомого, который и дал мне ваш адрес... Я по поводу подсвечников для театра... Я актриса, можете позвонить в театр и проверить. Хотя если вы бывали в нашем драмтеатре, то наверняка видели меня... Согласитесь, внешность у меня достаточно запоминающаяся...

Вилли, красивый, смуглый от природы мужчина пятидесяти пяти лет с сохранившимися черными блестящими волосами и роскошными ухоженными усами, стоял по другую сторону двери в купальном халате, чистый, только что принявший ванну, благоухающий одеколоном, и с усмешкой разглядывал в глазок Оськину. Женя Оськина, как же, он много раз видел ее в театре, на сцене, и, хотя она была не в его вкусе, все равно он видел в ней прежде всего интересную женщину, с которой можно было если не крутить любовь, то, по крайней мере, недурно провести вечер за рюмкой коньяку. Мысль о том, что за ее спиной стоят воры, собирающиеся ограбить его, ему в голову пришла, но так же скоро и ушла. Что у него красть? Все ценное он хранил в другой квартире, о которой никто не знал. Здесь же он держал фарфор, старинную мебель и всякие серебряные и медные украшения вроде тех же самых подсвечников, часов, фруктовых ваз... Наиболее дорогостоящие произведения искусства – картины, ювелирные изделия – были надежно спрятаны.

– Хорошо, Евгения, я открою, а то действительно как-то неудобно разговаривать с дамой, да еще и актрисой, через дверь... Надеюсь, вы пришли одна?

– Одна, конечно, Вилли... право, какое у вас американское имя...

Последние слова она произнесла, уже глядя ему в лицо. Красивый мужик, ничего не скажешь, и наверняка занят какой-нибудь молоденькой стервой, я и здесь опоздала, подумала она, зачем-то здороваясь с ним за руку.

– Вообще-то у меня другое имя, но все знают меня как Вилли. Так уж повелось. Проходите, Женя... Извините, что я в таком виде, только что из ванны...

– Да нет, это вы должны меня простить за то, что я вот так, без звонка, без предупреждения вломилась к вам...

Спустя пять минут Вилли, одетый в серые брюки и малиновый джемпер, сидел напротив Жени в кресле и ухаживал за ней, угощая коньяком и виноградом. Женя подумала о том, что он не мог оставить никого надолго в комнате, где каждый сантиметр был занят дорогой вещью. Что стоит нечистому на руку гостю положить в карман какую-нибудь серебряную безделушку, золоченую рюмку, портсигар...

– Так какие подсвечники вас интересуют? – спросил Вилли, и Жене стало плохо. Она как-то сразу растерялась. Уходить сейчас, с позором, не хотелось. Раз уж она проникла сюда, в квартиру, надо думать, как здесь подольше задержаться.

– Если честно, то меня интересуют не подсвечники, я обманула вас. Мне нужны деньги. Очень нужны. Мне должны пригнать машину, и мне не хватает три тысячи долларов. Эти

деньги я могу вернуть осенью... – лгала она, прикидывая, что она будет делать, если Вилли с легкостью даст ей эти деньги.

– Три тысячи долларов? Это немалая сумма, – покачал головой красивый Вилли. – Знаете, я так и думал, что вы пришли ко мне за деньгами. Но вы не тушуйтесь, ко мне приходит много женщин за тем же...

– Приблизительно через три месяца я смогу вам вернуть эти деньги... Скажите, сколько я должна буду заплатить сверх этой суммы, я имею в виду проценты...

– Для вас, Женя, нисколько. Разве что вы со сцены будете посылать мне воздушные поцелуи, – рассмеялся Вилли.

– Вы шутите?

– Конечно, шучу! Вернете мне вместо трех шесть тысяч долларов, и деньги получите прямо сейчас, что называется, не отходя от кассы, – и снова расхохотался, но каким-то уже открытым, гортанным, веселым смехом.

...Женя в тот вечер напилась. Ей было так хорошо, так весело с этим Вилли, они так приятно поговорили, что она почти уже и забыла, зачем к нему приходила. Оказывается, он завзятый театрал, просмотрел все пьесы их театра, знаком со многими актерами, а главный режиссер так и вовсе был его другом. Им было о чем поговорить, посплетничать, посеCRETничать. Женя спьяну пожаловалась ему на то, что в последнее время ей не дают играть главные роли, что она для своих лет, как ей кажется, неплохо выглядит, но Лев Каннибалович (так душевно в театре звали главного режиссера драмтеатра Льва Константиновича Малкина) везде сует свою Вундершу...

– Если хочешь, я познакомлю тебя с одним московским режиссером, он посмотрит тебя и, может, пригласит сняться в своем фильме... Или же попробую перевести тебя в какой-нибудь московский театр?

Женя слушала и не верила своим ушам. А что, она уже давно переросла провинциальную сцену, у нее и талант, и опыт, да и в кино она всю жизнь мечтала сняться... От этих разговоров и выпитых коньяка, водки и ликера у нее так закружилась голова, что она не поняла, как оказалась в постели вместе с Вилли. И он был с ней так нежен, что она чуть не расплакалась.

– Женечка, ты не представляешь себе, какая ты роскошная женщина, – шептал ей Вилли на ухо, покусывая его и щекоча усами, – да я для тебя все сделаю... тебе не хватает на машину трех тысяч? Я куплю тебе эту машину... или другую... лежи спокойно... Какое тело, бог ты мой! Ты, конечно, замужем...

– Нет, – задыхаясь, прошептала она. – Не замужем... Я вдова.

Она то закрывала глаза, то открывала, и каждый раз взгляд ее касался разных предметов: то старинной люстры над головой, то размытого, оранжево-розового пятна картины, изображавшей обнаженную женщину с гребнем в руке, то кружевной салфетки на ночном столике с мужскими золотыми часами на ней, то книжной полки с фотографией очень красивой молодой девушки в рамке из морских ракушек...

Утром Вилли напросился вместе с ней принять душ, они резвились там, в тесной пластиковой кабине, как молодые, смеялись, шутили... Потом Вилли закутал ее в свой махровый халат и усадил за стол, где уже стояли чашечки для кофе. Он ухаживал за ней не так, как ухаживают обычно мужчины, мечтающие поскорее избавиться от надоевшей за ночь случайной любовницы, и Жене хотелось разрыдаться от того, как сильно этот еще вчера незнакомый мужчина напомнил ей ее умершего мужа, как спокойно и удобно было ей с Вилли, какой счастливой она успела почувствовать себя всего за несколько последних часов. Однако нельзя было принимать всю эту нежную, скоропалительную любовь за чистую монету, она понимала это умом, и это отравляло ей утро... Да еще тот снимок на полочке в спальне... Где она уже видела эту девушку? Где?

– Вилли, давай так: честно, прямо, как взрослые люди, – ты мне приснился?

Ей не хотелось опошлять их отношения и спрашивать, всех ли своих потенциальных должниц он укладывает в койку, как вдруг услышала:

– Ты, наверное, думаешь, что я всех девушек, которые мне задолжали, пою коньяком и говорю им о любви? Я не хочу, чтобы ты так думала. Это только с тобой так. Я бы хотел, чтобы ты пришла ко мне сегодня вечером, а?

– Не могу, у меня спектакль, – прошептала она, не веря в то, что Вилли ее действительно хочет увидеть еще раз. – Но после спектакля...

– А после спектакля я сам могу за тобой заехать, у тебя же нет еще машины... Да, кстати, ты извини, совсем забыл, что тебе нужны деньги... Подожди минутку, я принесу...

Женя сидела, глядя на тарелку с растекшимся по ней желтком, и спрашивала себя, уж не за проститутку ли он ее принимает, раз заговорил о деньгах? Сколько он ей принесет за ночь? Двести рублей? Пятьсот? Или из уважения к ее основной профессии – сто долларов?

Вилли принес ей три тысячи долларов.

– Это тебе на машину в случае, если ты не захочешь меня больше видеть. Тебе же нужны деньги... Но если ты позволишь мне сегодня за тобой заехать, то это будет означать, что я тебе приятен и что ты хочешь встречаться со мной, а раз так, то я сам, прямо в эти выходные куплю тебе машину... Тебе необязательно ждать, когда тебе кто-то что-то пригонит... Я знаю человека, который торгует отличными иномарками... Женя, ну что ты на меня так смотришь? Думаешь, я не понимаю, что у тебя полно поклонников, что ты нарасхват...

Она и представить себе не могла, что он говорит это искренне. Да он и сам был изумлен своим поведением и тем обвалом чувств, что он испытывал. С этой женщиной (не сказать, чтобы очень красивой, но у нее была весьма оригинальная внешность: большой, но нисколько не портящий ее рот, огромные, слегка навывкате, глаза, худощавая, с длинными руками, пальцами) ему было удивительно легко, спокойно, хорошо, он почти любил ее и хотел видеть каждый день и каждую ночь... И если первое впечатление его ограничивалось лишь желанием провести с ней вечерок под джазовую музыку и коньячок, ну пусть даже интеллектуальную беседу и, в крайнем случае, подарить ей один-единственный романтически-вежливый поцелуй, то сегодня утром ему хотелось иметь эту женщину под рукой, как экзотическую и очень дорогую вещь, как теплую эбеновую африканскую статуэтку, которая радует глаз и поднимает настроение... Он, собственник по натуре, захотел иметь гарантии того, что Женя Оськина, начиная с этого дня, будет принадлежать только ему. Вилли, собиравшийся в ближайшие две недели выбрать себе тур в какую-нибудь южную волшебную страну, уже видел себя там, среди пальм, цветущих деревьев и розовых фламинго, только рядом с Женей. На ней будет оранжевый купальник, прозрачный черно-оранжевый платок, повязанный вокруг ее безупречно стройных бедер, и широкополая соломенная шляпа... Мужчины свернут себе шею, когда она будет проходить мимо них, неся ему (сидящему в шезлонге возле голубого бассейна) в тонкой изящной и уже успевшей загореть руке запотевший стакан с ледяной водкой...

Он ласково провел рукой по ее густым стриженным волосам, затем привстал, чтобы коснуться их губами, почувствовать их шелковистость и вдохнуть горьковатый запах ее духов...

– Вилли, не надо денег... как-то все нехорошо... – Она готова была уже рассказать ему о причине своего визита, потому что дальше лгать не могла, понимала, что из-за своего вранья она может потерять этого мужчину, как вдруг вспомнила, где она видела ту девушку на фотографии... – Вилли, я хотела спросить, кто та девушка с фотографии... в спальне...

И она отвернулась, чтобы на лице ее не отразилась растерянность. Ведь этой девушкой была Оля Воробьева!

– Девушка? А... Понял. Ты ведь спросила это из ревности, признайся? – спросил он с какой-то грустью в голосе.

– Ну... в общем, да...

– Можешь уже не ревновать. Она погибла. Несколько лет тому назад. Молодая красивая девушка, у меня с ней был роман, я даже хотел жениться на ней, но потом понял, что ее интересуют лишь мои деньги... Она встречалась со мной, я ей что-то дарил, привозил из-за границы, а иногда просто давал денег... Она была продавщицей в магазине, ей не составляло труда продавать мои подарки. Она накопила денег, потом попросила у меня еще пару тысяч и купила себе, дурочка, ни с кем не посоветовавшись (!), старый-престарый «Мерседес».

– И ты не смог ей этого простить?

– Дело не в этом... Этот «Мерседес» ее и убил. Она разбилась в нем. Не справилась с управлением, или тормоза отказали, я так и не понял... Да и о смерти девушки узнал, когда ее уже похоронили...

– У вас была любовь?

– Она меня не любила, говорю же...

– А ты?

– Я был влюблен... Так я приеду сегодня за тобой?

Она вздохнула с облегчением. Теперь она может считать свое задание выполненным, а Вилли совершенно необязательно знать истинную причину ее визита к нему... Подсвечники, деньги на машину... Нет, она постарается ему не лгать. Он слишком благороден для таких свинских отношений... А вдруг он влюбился? По-настоящему?

– Хорошо, приезжай... – Она повернулась к нему и с наслаждением поцеловала его в губы. – Вилли, мне пора...

Глава 18

Маркс, ноябрь 1997 г.

Эрик, по привычке приняв снотворное, уже спал, когда она, весь вечер просидевшая на кухне возле окна в ожидании сына, услышала звонок. Значит, Роман шел с другой стороны дома, раз она не увидела его в окно, интересно, где же он был?

В квартире пахло пирожками с капустой, которые она напекла, чтобы хватило на всех – и на большого любителя поесть Эрика, и на Романа, и на эту чудесную девушку Наташу... Да уж, с такой девушкой не стыдно появиться хоть в Австрии, хоть в Швейцарии – красotka, умница, немецкий знает, в искусстве разбирается, к ней, к его матери, уважительно относится и, слава богу, не беременная...

Но это пришел не Роман, а Наташа. Она была бледная, почти зеленая... И зубы стучали.

– Мы с Романом поссорились... – всхлипнула она. – Я никуда с ним не поеду.

– Наташа, что случилось? Ты проходи, не стой на пороге...

И Наташа рассказала, рыдая, размазывая по своим нежным щекам тушь, икая и содрогаюсь всем телом, что Роману нужно было пойти на мельницу, чтобы передать деньги этим своим беременным дурам, иначе они не уйдут. Он ушел, а она осталась ждать его на улице. Ждала долго, пока окончательно не замерзла. И решила войти в дом, узнать, в чем дело. И не доходя до кухни, услышала разговор: говорил Роман с одной из своих наложниц.

– Думаю, это была та, которая возомнила себя его женой... Умоляла его остаться, ведь у них будет ребенок... И так уговаривала, так уговаривала, что он вдруг такое сказал, что у меня волосы на голове встали дыбом! Он сказал, что не любит меня и берет с собой за границу только из-за Эрика, потому что я ему понравилась, Эрику... А на самом деле Роман любит только ее и ждет этого ребенка... Он просил у нее прощения, даже плакал, представляете?!

Мать не верила своим ушам. Получалось, что Роман не имеет своего мнения и живет мыслями и чувствами других людей: матери, Эрика и теперь вот этой Вики...

– Он называл ее Викой? – спросила она.

– Да, это была Вика, – ответила Наташа, высмаркиваясь. – Он сказал, что вроде как мы с вами его околдовали, что он и не собирался ни в какую Австрию, что он столько денег и сил потратил на обустройство мельницы не для того, чтобы все бросить... Потом у него началась истерика, он сказал, что его все хотят обмануть, что у него своя жизнь, что он любит свою жену и будущего ребенка...

Мать приготовила для нее успокоительный отвар, напоила ее и уложила спать. Решила сама отправиться на мельницу, все разузнать и положить конец этому бардаку, этому проживанию на мельнице двух нахалок. Оделась потеплее, взяла ключи и отправилась к сыну...

Но на мельнице не было ни души. Все было чисто прибрано, в спальнях в шкафах она не нашла ни одной чужой, женской вещи. И только в кухне пахло едой. Она нашла на плите кастрюльку с остатками супа. В холодильнике вообще было пусто, если не считать коробки с молоком. Ни кусочка хлеба, ни чая, ни сахара... Как же они здесь жили, эти несчастные девушки? И впервые у нее зародилось чувство, похожее на сострадание к той, которая чуть не стала ее снохой... Вика. Стало быть, Роман ушел с ней. Ну не с двумя же? Куда? По всей видимости, туда, где она раньше жила. Куда же еще? Но как узнать адрес? Это ей могут сказать лишь в медицинском училище, где девочка учится...

Она села посреди пустой холодной комнаты и представила себе весь ужас, который пришлось пережить Вике, когда она узнала о том, что Роман, которого она уже считала своим мужем, вдруг бросил ее, решив уехать за границу с Наташей...

Но что ему еще оставалось делать? Остаться здесь, когда Эрик обещает ему другую, счастливую жизнь? Поехать с Викой, вот что он должен был сделать... Но еще не поздно, еще

же ничего не решено, а Эрику не все ли равно, с кем Роман поедет? Он увидит Вику, Роман ему все объяснит, и они поедут с ней... А Наташа? Наташа... Пусть Роман сам с ней объясняется. Господи, как же все сложно в этой жизни... Она глубоко вздохнула, и ей показалось, что откуда-то потянуло запахом спирта, водки...

Она с тяжелым сердцем вернулась домой. Было уже почти три часа ночи. Она заглянула в спальню – Наташа крепко спала, и никто не знает, какие сны снились ей в эту ночь... А что Эрик? Тоже спит. Такой симпатичный, обаятельный мужчина... Как он хвалит ее стряпню... Кажется, он не женат...

Она покраснела, отбрасывая от себя ненужные мысли. Ей надо думать о сыне, о Ромane, устраивать его жизнь, а не думать о себе, какой парой они могли бы стать с Эриком... Ничего, что он немного моложе ее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.